

сергей попов

Я ИДУ

Сергей Алексеевич Попов

Я иду

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20613861

Я иду: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2016

ISBN 978-5-906857-86-6

Аннотация

Неуемный аппетит и алчность – испокон веков главные бичи человечества, виновники всех войн. Выпив родную планету до последней капли нефти, осушив все природные ресурсы, человек не остановился на достигнутом, а возвел «Порталы» и захотел потянуть «соков» из космоса. Люди приготовились к великим переменам – на дворе новый технологический уклад. Долгожданное будущее не за горами! Но что-то пошло не так: нечто вторглось на Землю через «Порталы», и мир потрясла чудовищная катастрофа. Человек столкнулся с невиданной угрозой и оказался к ней не готов. Чтобы сохранить свое право на существование, раса людей ввязывается в опустошительную войну с внеземными агрессорами...

Сид Форест – простой автомеханик, после развода в одиночку растит единственную дочь Бетти. В его обыденной жизни все идет своим чередом, пока их с дочерью не разлучает общемировое горе – война с внеземными завоевателями. Вынужденный покинуть Грултаун, жить в страхе, нечеловеческих условиях и

бороться за выживание, Сид на протяжении нескольких лет разыскивает Бетти, но все попытки оборачиваются неудачей. Тогда, вконец отчаявшись, он решается на отчаянный шаг — возобновить поиски в родном городе, кишашем инопланетными захватчиками...

Содержание

Попов Сергей Алексеевич	6
ПРОЛОГ	9
I	20
II	54
III	113
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Сергей Алексеевич Попов

Я иду

© Сергей Алексеевич Попов, 2016

© Интернациональный Союз писателей, 2016

*** * ***

Попов Сергей Алексеевич

Семье посвящается

Сергей Алексеевич Попов родился 16 ноября 1990 года в

городе Москве. С детства любил литературу, много сочинял сам. В 12 лет написал первое стихотворение и на протяжении всех школьных лет продолжал заниматься поэзией.

В 2013 с отличием окончил Столичную Финансово-Гуманитарную Академию, имеет высшее экономическое образование. В студенческие годы серьезно увлекся фантастикой. За пять лет написал четыре книги в жанре постапокалиптика, пока не опубликованных.

С 2014 года продолжил обучение в родной академии на психологическом факультете и в этом же году закончил написание следующей постапокалиптической книги-хроники. В настоящее время планирует создать продолжение и третью книгу, завершающую основную сюжетную линию.

ПРОЛОГ

Докурив сигарету, я затушил окурок о пепельницу и вышел из-за стола, чтобы посмотреть в окно, на потихоньку просыпающийся город. Сдвинув занавеску, – открыл форточку, впуская на кухню душный, затхлый воздух вместе с шумом машин, трелью клаксонов и ором людей, голосащих с утра пораньше, и приник к запыленному окну, сонными глазами засмотрелся на только-только расцветающее небо.

– Сегодня должно быть ясно, – решил я, глядя на вытянутые золотистые облака, медленно-медленно плывущие по синеве, – а то темнотища надоела.

Погода же сегодня действительно обещала быть солнечной и теплой, что несказанно радовало: дожди уже сидели в печенках. Осталось лишь разбудить Бетти, проводить в школу и придумать, чем заняться в незапланированный выходной. Хотя, что тут думать? Скачаю какой-нибудь нудный фильм, наберу пива с чипсами и просижу полдня за компьютером – вот и все планы. Правда, может, чего интересного по ящику покажут, и вместо скрипучего кресла и монитора перемещусь в гостиную, на диван. В общем, как получится, – альтернатив у меня, конечно, немного...

Постоял так с минуту, устало зевнул, вздохнул, напоследок проводил глазами людей, спешащих на работу, и посмотрел на циферблат настенных часов, висевших над календа-

рем с изображением леса: «07:26»

– Пора поднимать мою принцессу! – радостно воскликнул и – к комнате дочери.

Подойдя к двери, – немного постоял в нерешительности, а потом улыбнулся, пару раз постучал и громко произнес:

– Бетти, малышка, просыпайся! Я...

Но не успел договорить, – ручка повернулась, вышла Бетти.

– Доброе утро, пап... – без особого настроения, пасмурно и сонно поприветствовала она, глядя на меня усталыми покрасневшими глазами. – Я думала, просплю все, что можно.

Я улыбнулся.

– Иди пока в ванную, а я приготовлю завтрак, – сказал и, осмотрев комнату дочери, завешанную разнообразными плакатами «The Cure», «Sex Pistols» и «Placebo», добавил с ноткой стыда: – Извини, но деликатесов не обещаю.

– Ничего, я привыкла... – все так же хмуро буркнула в ответ дочка и перед тем как уйти произнесла: – Чего еще ожидать от холостяка?..

Я лишь тяжело вздохнул, закрыл за ней дверь и поплелся обратно на кухню.

– И включи телевизор погромче!

– Ладно! – отозвался я и поинтересовался: – Ты что будешь: апельсиновый сок или кофе?

– Ты же знаешь, что утром я пью только кофе! – укоризненно бросила Бетти. – Зачем спрашивать-то, пап?..

Я вздохнул, включая телевизор, вымолвил:

– Извини!..

Но Бетти ничего не ответила, и я с совершенно подавленным настроением прибавил громкости, налил воды в электрочайник и включил. Достав с полки посуду и пачку кукурузных хлопьев, – наспех насыпал в тарелку и полез в холодильник за молоком, краем уха слушая утренние новости:

«Сегодня глава корпорации Portal Energy Transfer, профессор экспериментальной и теоретической физики Эрик Гельдман, объявил на всемирном конгрессе, что строительство седьмого, самого главного Портала, обошедшегося почти в сто миллиардов евро, завершено, и сегодня же произойдет их первый в истории человечества одновременный запуск!»

– Да кому эта херня-то нужна?.. – скептически отметил я и усмехнулся, наливая кипяток в чашку с быстрорастворимым кофе. – Мозги населению только пудрят и языками чешут, вместо того, чтобы зарплаты повышать, – добавил сахар, тщательно перемешал напиток. – Деньги, что ли, не на что девать? Так дайте мне – живо им применение найду! – посмеялся и поставил душистый напиток на стол. – Мне всегда вот было интересно: кто же вам деньги-то дает такие? И ведь если он сейчас принародно опозорится или что-нибудь в этой хреновине накроется, то с кого же вы денежки-то будете сосать?

– Ты чего тут так разошелся? – неожиданно пройдя на

кухню, поинтересовалась Бетти и, не дожидаясь ответа, села за стол, почему-то сразу начав с кофе.

– Что ты за кофе-то схватила сразу? – проигнорировав ее недовольное замечание, сердито спросил я. – Хлопья ешь сначала, а к кофе я тебе сэндвичей сделаю.

Но та лишь одарила меня прохладным взглядом, так и не прикоснувшись к тарелке.

– Послушай, Бетти... – начал я, заслонил собой телевизор. – Давай...

– О чем, пап? О чем с тобой говорить? Скажи мне? – набросилась с вопросами дочь. – Ты ведь меня даже не слушаешь!..

– Я... я... просто пытаюсь понять, что с тобой такое творится уже который день, – с запинками вставил я, смотря то на ее волосы, выкрашенные в огненно-рыжий цвет, то на глаза, отдающие голубизной. – Только и всего, принцесса!

– Да потому что мне невыносимо с тобой, отец! – громко прокричала Бетти и, выждав несколько секунд, продолжила, но уже спокойным голосом: – Мы никуда не ходим, вечерами сидим дома, как два старика, и смотрим ТВОИ тупые комедии, над которыми смеешься только ТЫ! А когда я раз в жизни попросила ТЕБЯ разбудить пораньше, ТЫ просто взял и забыл про меня! Забыл и свалил на свою чертову работу! Из-за ТЕБЯ я опоздала на занятия и чуть не опоздала на репетицию! – удрученно помотала головой. – Да кому я это вообще говорю – ты все равно будешь делать так, как

считаешь нужным.

— Но сегодня я... — запнулся, вздохнул, отходя в сторону, — я ведь вовремя тебя разбудил...

— Ага, спасибо... — уткнувшись глазами в телевизор, сухо бросила дочь и, подчеркнуто отодвинув тарелку, допила кофе. — Ты это хотел услышать?

Я опустил глаза, облокотился на столешницу и опечаленно ответил:

— Да...

Замолчали.

А тем временем телевизор надрывался:

«Друзья! Я так долго ждал этого момента и уверен, что и все вы ждали его вместе со мной, потому что сегодняшний день станет для всего человечества, не побоюсь этого слова, великим!»

Я развернулся и увидел на экране светловолосого сухонького мужчину в лабораторном халате с приятными чертами лица, стоящего на вертолетной площадке на фоне ворот фантастических размеров, возвышающихся на крыше многоэтажного дома. Рядом с ним — четверо вооруженных людей в военной форме, лица скрывали черные баллистические маски.

Человек улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы, и продолжил, морщась от вспышек десятков фотокамер:

«Сегодня мы навсегда откажемся от электричества, ядерной энергетики и откроем для себя совершенно новые

горизонты возможностей! Возможностей, которые в корне перевернут наше представление о мире! Только представьте себе, что принесут в нашу жизнь Порталы!»

Он отошел и указал на громадину со свисающими толстыми проводами. Те тянулись вниз, уходили в огромные блоки, закрепленные на стенах домов.

«Нескончаемая бесплатная экологически чистая энергия для всех прямоком из космоса! Новое поколение компьютеров, военной техники и транспорта! Шаг к созданию сверхмощного вооружения, построенного на совершенно иных принципах действия! И, наконец, финальный шаг к разгадке нашей с вами Вселенной и долгожданные полномасштабные космические экспедиции, о которых прежде мы не могли даже мечтать! И это лишь малая часть того, что Порталы подарят человечеству!»

– Я пошла собираться, – холодно произнесла Бетти и, даже не посмотрев на меня, – к себе в комнату. – Провожать будешь?

– Конечно! – спохватился я и, быстренько сполоснув руки, – следом. – Во сколько тебя ждать?

– Не знаю, – неопределенно ответила та и вошла к себе, не закрывая дверь, – у нас сегодня еще генеральная репетиция, если помнишь, поэтому точно я тебе сказать ничего не могу.

– Ясно... – пожал плечами, облокотился на дверной проем, следя за сборами дочки. Бетти, покидав в рюкзак пару тетрадей, кое-как застегнула, зачехлила электрогитару и

стала рассовывать телефон и плеер по передним карманам джинсов. – Я тебе на холодильнике деньги оставил... – грустно вздохнул, – ...купи себе чего-нибудь.

Бетти промолчала. Покончив со сборами, – надела клетчатую рубашку поверх футболки, сбрызнула себя духами и прошла мимо, оставляя шлейф тончайшего цветочного аромата. Забрав с холодильника деньги, она наспех пересчитала сумму и сунула в задний карман, несмотря на то, что я строго-настрого велел так не делать.

– Позвони мне, как закончите там... – попросил я и последовал за дочкой к входной двери. – Чтобы я не переживал, ладно?

– С каких это пор ты стал за меня переживать? – поставив свои вещи на пол, съязвила Бетти и принялась обуваться в кроссовки.

– Просто набери мне, хорошо?

Та хмыкнула, посмотрела на меня косо, но все-таки согласилась:

– Ладно. – И, закинув рюкзак за плечи, поправила рубашку, чтобы не торчала, подняла гитару и вышла. – До вечера.

– До вечера, люблю тебя.

Закрыв за ней на верхний и нижний засов, – проводил Бетти через глазок расстроенным взглядом и поплелся обратно на кухню.

– Вся в мать... – высказался, наконец, и, открыв холодильник, забрал апельсиновый сок. – Такая же непробивае-

мая... — налил полстакана, вздохнул, вернулся за стол и взялся доедать нетронутый завтрак дочери, молча смотря в телевизор.

«...Но нет, я не волшебник, я — простой человек, как и вы, который смотрит вперед! А теперь от имени всей корпорации Р.Е.Т., я, профессор Эрик Гельдман, с восторгом объявляю о запуске Порталов!»

Профессор развел руками и начал отсчет, не отводя пристального взгляда от камеры:

«Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два...»

Выдержал паузу, улыбнулся, посмотрел на дрожащие ворота позади и закончил нетерпеливо:

«...один!»

Я ахнул.

Через секунду меж ворот образовалось сероватое завихрение, потом оно принялось набирать обороты, раскручиваться все быстрее и быстрее, окрашиваться в ярко-голубой цвет. Толстенные провода от нагрузки дрожали, обливались электрическими сполохами.

Секунда, две...

Врата протяжно и жутко загудели, словно атомоход в океане, а через секунду вихрь в центре замерцал, заискрился, увеличиваясь в размере, и... в квартире вырубился весь свет. Я отодвинул недопитый стакан в сторону, и уже хотел встать,

как вдруг городской телефон на кухне пискнул, холодильник опять замычал, а телевизор – вернул картину происходящего по ту сторону экрана. Но теперь вместо небольшого вихря страшно выл исполинского размера водоворот, а из центра вырывались чудовищной силы порывы ветра вперемешку с красными молниями. Они били то верх, то вниз, то прыснули куда-то вкривь, на моих глазах пробив насквозь стену жилого дома, устроили пожар.

– Какого хрена?.. – проговорил я и с ужасом продолжил следить за запуском Портала. Тот обрушивал молнии теперь уже на головы зевак, столпившихся на улицах с мобильными телефонами, но благо обходилось без жертв.

Профессор же явно занервничал, но вида не подал и успокоил всех:

«Ничего страшного в этом нет! Портал рвет грань, соединяющую две условные точки, в силу чего возникают сильные электромагнитные всплески! Через несколько секунд он стабилизируется, и вы увидите...»

Электричество вновь дало сбой, телевизор погас, так и не дав дослушать объяснение до конца.

– Надо звонить Бетти, – с плохим предчувствием у сердца решил я и – в гостиную, забирая мобильный телефон с журнального стола.

Открыл меню контактов, нажал на вызов дочери и – ждать...

– Черт... – сбросив вызов, выругался я и – пулей на кухню.

Едва подбежал к окну на кухне, чтобы посмотреть, что там творится, – свет вернули, телевизор разразился страшным треском, а на экране, покрытом рябью, – сущий ад: дома, пылающие в огне, молнии, бьющие во все стороны. Пригляделся и сквозь страшные помехи разглядел виновника случившегося. Профессора, растерянного, оглушенного, вооруженная охрана усаживала в подлетевший вертолет. Но только он оторвался посадочной площадки, – на моих глазах вихрь в центре Портала озарился белыми вспышками, а в следующую секунду из него один за другим начали выскакивать какие-то темные сферы.

– Господь всемогущий!.. – пораженный увиденным воскликнул я и попытался еще раз вызвать Бетти, но дочкин телефон оказался выключенным. – Что же ты творишь, дурочка!.. – и в лихорадке, сунув телефон в карман, весь на пределе, уже собрался бежать в коридор, как вдруг Портал, показанный крупным планом, резко втянулся в самого себя, разразился ужасающим гулом, и... разошелся во все стороны ударной волной. – Бетти... – потом поднялась паника, кто-то крикнул «Бежим!», уронил камеру, и изображение вместе со светом во всем доме пропало. – Господи, Господи!..

Сам – в коридор. Наспех обулся, выбежал на лестничную клетку. Но не успел и пролета преодолеть, – пол под ногами сотрясло, будто от землетрясения, меня – спиной на ступени. Хрустнул телефон. А за пыльным окном – седо-черная многоэтажная грязная волна обломков с гроыханием пол-

зет к моему дому, сносит все на своем пути...

I

В подвале – сыро, темно, зябко. Меж голых бетонных стен завывали жуткие сквозняки, качали лампу, свисающую с треснутого потолка на тонком расплзшемся проводе, по местами затопленному полу бегала едва различимая в огне примуса рябь. Дождь, что лил как из ведра больше часа, наконец-то закончился, и теперь там, где-то в глубинах полуразрушенного дома, журчала стекающая вода, не смолкало глухое эхо. Изредка к этому гулу добавлялись отвратительные пiski крыс. Они резвились во мраке, среди заброшенного мусора, плескались в холодной дождевой воде.

Капли неустанно барабанили то по металлу, то по дереву, то по бетону, то по трубам, сотрясали несмолкающую ни на минуту темноту, наполняли все вокруг какими-то ускользающими звуками. Еще немного послушав эти «голоса дома», я помешал вилкой крысятину в банке из-под рыбных консервов и сделал огонек примуса поменьше, приюхиваясь. Пахло скверно – собака есть не станет.

– Ну, дай бог, не сдохну... – смирился и достал из кармана крохотный бумажный пакетик с солью.

Посыпав тошнотворную бурду, – еще разок все хорошенько перемешал, мысленно перекрестился, филигранно подцепил зубчиком небольшой грязно-бордовый кусочек и кинул в рот. Скривился, быстро прожевал и проглотил, чувствуя

странное послевкусие.

– Неплохо, – неожиданно отметил для себя и выключил примус, подвигая поближе, – можно и пообедать...

Достал из армейского вещмешка небольшую полупустую бутылку воды, сделал маленький глоток, приступил к трапезе. Пока ел, крысы вконец осмелели и сидели теперь уже на гнилых столах и продуктовых корзинах буквально в нескольких шагах от меня. Ближе подходить все-таки не решались – боялись. Как ни крути, а инстинкт выживания у этих мусорщиков на высоте: прикармливай, заманивай – все равно не подойдут. Раз человек рядом, они и носа не сунут – мало ли, чего ему в голову взбредет.

– Что, проголодались? – чавкая жареным мясом, по вкусу отдаленно напоминающим курицу, спросил я своих пищащих «гостей». Те прибывали с каждой секундой, чуть слышно хлюпали по лужам. – Извините уж... угостить ничем не смогу – сам вон... – зачем-то кивнул на банку, словно ожидал от них глубокого сочувствия, понимания моего печального положения, – ...подножным кормом питаюсь.

Мокрые крысы в ответ запищали, зашуршали коготками, закрутили хвостами. Некоторые даже вытянулись, зашевелили усами.

– Я теперь такой же, как и вы, – продолжил я и, доев мясо, приправленное солью, отхлебнул водички и пояснил хвостатым друзьям: – Помоечник, мусорщик... – кинул им опорожненную банку, сложил пожитки. – Если хотите, можете

подкрепиться своим собратом – ничего другого у меня для вас нет.

Но голодным грызунам по душе и объедки: навалились скопом, пронзительно запищали, закишели – лишь бы ухватить хоть что-то. Жир, остатки – плевать. Жесть скрипела, шуршала, ерзала о камни, обо что-то металлическое, а потом и вовсе заплескалась вдалеке – словом, пошла «по рукам». Слушая это многоголосье, я улыбнулся, грустно вздохнул и заполз в карман накидки за зажигалкой и фотографией.

– Где же ты, принцесса?.. – подсветив тусклым огоньком изображение улыбающейся дочери в косухе, сидящей в кафе за столиком, в очередной раз спросил себя и побледнел – опять слишком близко подпустил самую страшную мысль о ее судьбе. – Нет... нет... – завертел головой, отгоняя этот ночной кошмар, – ты жива и я найду тебя... непременно найду, слышишь?.. – засопел, поцеловал дорогую сердцу фотографию, убрал обратно во внутренний карман и достал почти пустую мятую пачку сигарет, горько закуривая. – Хоть весь мир обойду, но найду...

Сделал затяжку, другую, немного успокоился.

Крысы тем временем уже не на шутку драли банку, да так, что звон и молотящие стуки разлетались по всему заброшенному залитому помещению. А я же, накинув просторный капюшон, откинулся на потресканную влажную стену и задумался, потягивая предпоследнюю сигаретку. Но наслаждался ей, ей-богу, как последней...

– Папа, быстрее!!... – в восторге кричала Бетти, крепче держась за меня, и разглядывала левый отбойник, сливающийся в единую линию. – Круто!.. Как круто!

– Держись крепче, малышка! – через мотоциклетный шлем улыбнулся я, выкрутил ручку газа и – вверх по пустой скоростной трассе под рыканье глушителей. – Это еще не предел!

Спортивный мотоцикл уносил нас прочь от оживленного, вечно шумного и пыльного города, позволял насладиться скоростью и встречным ветром. Мимо проносились вывески, рекламные баннеры, билборды, афиши, мелькали ограждения. За ними – неисчислимые высоты, улицы, люди, машины – весь «муравейник». Такое все незначительное, незаметное, неинтересное. Ни мне, ни Бетти не хотелось отвлекаться от дороги, смотреть по сторонам. Обоих сейчас увлекала только езда, визг колес на поворотах и... больше ничего. Время как будто остановилось, его не стало: впереди – горизонт, позади – обыденная серость. И между ними – короткий миг, яркий, прекрасный. Мы были так свободны, так счастливы, что весь мир, необъятный, сложный, казалось, слился в единую разделительную полосу, асфальтовое покрытие, стал простым и понятным. А закатное солнце, тщетно слепящее меня через тонированное забрало, будто куда-то увлекало, заманивало, раззадоривало, заставляя цепко держаться за руль и... гнать, гнать, гнать без оглядки...

– Пап, может, заедем куда-нибудь... перекусим? – сквозь вой ветра и ор двигателя услышал голос Бетти. – Возьмем по гамбургеру и коле. Что скажешь?

– Ну а что я могу сказать? – усмехнулся я. – Конечно я «за»! Вон, кстати, какая-то забегаловка вдалеке... – сбавил скорость, пригляделся, – можно туда и заглянуть, в принципе. Да и народу, думаю, там немного.

– Тебе решать, пап, – ты же за рулем-то, – засмеялась дочка, покрепче прижалась к моей мотоциклетной куртке.

Остановились на полупустой парковке забегаловки Biff Day's. Заглушил двигатель, снял шлем, вместе с Бетти слез с мотоцикла, поставил на подножку.

– Пойдем? – вытащив ключ зажигания, улыбнулся я зевающей дочке и приобнял. – О-о-о! Кого-то, вижу, дорога утомила, а сама мне говорила: «Да я хоть до ночи кататься готова!» – и засмеялся.

Бетти насупилась и беззлобно толкнула в плечо.

– Займи пока местечко, а я чего-нибудь закажу, – оглядев полупустое помещение с семейной парой у окна слева и скучающим кассиром в чудной шляпе и фартуке, распорядился яи-к кассе.

Проводив дочку ласковым взглядом, – дождался, когда она займет столик возле прохода, окликнул молодого парня с раскрасневшимся лицом и заказал по коле и большому фирменному гамбургеру. Пока готовился заказ, посмотрел на уставшую Бетти. Та играла в телефон, потом, видимо,

почувствовала, как смотрю на нее, подняла глаза, искренне улыбнулась и кокетливо поправила волосы. Расплатившись, – забрал поднос и направился к дочке. Присел рядом. Бетти переложила черно-желтый шлем на свободный стул и принялась за прохладную газировку со льдом.

Помолчали.

– Теперь увидимся только в следующее воскресенье?.. – нарушила она тишину, потягивая колу через трубочку.

– Твоя мама так решила... – разочарованно и без намека на укор ответил я, кусая гамбургер. – Она считает, что так лучше для тебя...

– Почему ты не поговоришь с ней?.. – расстроено спросила дочка, разворачивая сэндвич. – Я уверена, что она поймет все и... – запнулась, взгляд похолодел, словно хотела сказать что-то весомое, но потом передумала, сдержалась, – в конце концов, ты – взрослый человек и имеешь право видиться с родной дочерью чаще!..

– Бетти... – вздохнув, начал я, отпил колы. Голос подвудил, дрожал. – Все не так просто... – достал зажигалку, пачку сигарет, закурил. – Понимаешь...

– Просто это **ТЫ** ничего не хочешь менять... – сердито и обиженно высказала она, кинула на поднос надкусанный гамбургер. – И видеть меня тоже... – посмотрела на меня заслезившимися глазами. – А я устала ждать каждое воскресенье, чтобы увидеть тебя вновь!.. Мне надоело! Слышишь?!

– Принцесса...

Но дочка отвернулась, тихо всхлипнула.

Обнял, утер слезы со щечек.

– Я обязательно с ней поговорю, – погладив по рыжим волосам, пообещал я. – Мы что-нибудь решим. Хорошо? Хорошо, малышка?.. Ты веришь мне?..

Замолчали.

Крысы визгливо запищали и безвозвратно выдернули из воспоминаний, какими так дорожил. Недовольно тихо выругался, выплюнул окурок, вгляделся в темноту.

– Чего вы там опять?.. – спросил и – умолк, слыша отчетливые шлепки по воде где-то за стеной справа.

Обитатели подвала, почуяв смертельную опасность, притихли и – кто куда: одни – по норкам, другие – обратно по лужам куда-то в дальний конец. Дождавшись, когда они разбегутся, – поднял с пола заряженный арбалет, притаился и вгляделся в пугающую тьму. Шлепки приближались, а с ними – хорошо знакомое протяжное ворчание и хрип.

– Унюхал все-таки, скотина... – шепотом выругался я и на цыпочках отошел в сторонку, держа арбалет наготове. – Ну ползи-ползи...

Присел за пахнущей плесенью бетонной плитой, давным-давно упавшей с верхнего этажа, осторожно выглянул и напряг зрение, уже различая смутно прорисовавшиеся серо-черные глянцевые лапки морфа-загонщика.

– Поближе... – чуть слышно завлекал я, – не бойся, под-

ходи поближе, мать твою...

Но пришлец показываться не торопился – к чему-то пособачьи принюхивался, плескался водичкой, ворчал, переворачивал продуктовые корзины, ничейную мебель, опять ворчал. А через секунду в трех шагах от меня напрямик в лужу угодил прогнивший стол, и я напрягся, дожидаясь подходящего момента.

– Ну не дай бог вещи мои тронешь... – пригрозил и опять высунулся – тот рыскал уже возле моего недавнего места пребывания. Кожа – серо-черная по-рыбьи блестящая склизкая, конечности – неправдоподобно длинные, трехпалы. Передвигался на четвереньках, мотал огромной головой, обросшей извивающимися отростками. Нос плоский, глаза – большие, бледные, навывкат, без зрачков. – Тогда, нюхач, пеняй на себя...

Морф, конечно же, плевать хотел на угрозы и бесцеремонно запустил лапищу в вещмешок, параллельно обнюхивая сухой пол, где сидел я. И вот когда незванный гость уже совсем обнаглел, вытащил примус, по-глупому уставившись на непонятный предмет, я вытянул руку и спустил курок. Тот в момент выронил добычу в лужу, истошно заверещал, обливаясь черной, как мазут, кровью, ударился об стену и схватился за дротик с ярко-оранжевым оперением, торчащим из левого глаза.

– Допрыгался! – обрадовался я и, повесив арбалет на крепление на правой ноге, снял с пояса охотничий нож, вы-

бежал и – два точных удара в пульсирующую измазанную черным шею. – Ну что? Долго искал меня, вынюхивал?.. – выдернул боеприпас, вытер о подол, убрал в компактный колчан на левой голени. – Ну и хрен с тобой, молчи, – пнул труп и достал из мешка, запачканного темными брызгами, пластиковый пищевой контейнер. – Молчание – золото.

С подозрительностью оглядевшись, понял, что кроме меня никого в подвале больше нет, хладнокровно обрезал загонщику все восемь тошнотворных на вид отростков, сложил в емкость и захлопнул крышку.

– Неплохой улов, – взвесив трофеи, довольно отметил я и, закинув в вещмешок, зачехлил нож. – Хотя за охотника куш вышел бы посolidнее, но и этого хватит – на пару баночек тушенки я себе точно наскреб.

Вытащил из грязной лужи маленький походный примус, насухо вытер и – в мешок.

– Сейчас ручонки только сполосну, и можно в путь, – резюмировал я и, закинув пожитки за плечи, вымыл руки, испачканные инопланетной кровью. – Ну, с богом...

И, засмолив последней сигаретой, двинул к выходу.

* * *

Сирена протяжно завывала, нарушая непринужденную и теплую атмосферу внутри казармы, и немедленно сменилась взволнованным голосом, периодически тонушим в какофо-

нии пулеметных очередей и криков:

«Говорит вышка-2! На Внешний Периметр Горизонта-26 движется огромная волна морфов! Всем отрядам Тенеборцев немедленно занять позиции и приготовиться к отражению нападения! Повторяю: на Внешний Периметр Горизонта-26...»

Заслушав уже повторяющееся по второму кругу сообщение, невысокий крепкий мужчина в серых камуфляжных штанах и майке недовольно цокнул, пригладил длинные черные волосы и сбросил игральные карты на покрывало своей койки, обращаясь к напарнику:

– Короче проиграл ты, Марк, – пара тузов у меня, – язвительно улыбнулся, сверкнул серебристыми глазами, – но так и быть: жетончик твой срывать не буду, но вот пивом сегодня угощаешь ты.

– Да я так разорюсь, Айс! – обиженно вскричал тот и, сложив колоду в коробочку, забрал с верхнего яруса вместительную сумку защитного цвета и кинул на стул. – Мне, блин, и так жалование задерживают!

– Не надо тогда играть садиться, приятель! – похлопав того по твердому плечу, насмешливо поддел Айс и, вытащив из-под кровати такую же сумку, громко и четко прокричал всем остальным: – На сборы даю двадцать секунд! Как будете готовы – выходим и – к стенам! Всем ясно?

– Так точно! – отрубило в унисон. Зашуршали сумки, растянулись молнии.

– Марк, электрострел побольше возьми – поджарим сволочей, – по-отечески, тепло попросил он и, заглянув в зеленые глаза, полные тревоги, кивнул: – Все будет в порядке.

Марк секунду помолчал, а потом хмуро улыбнулся, не скрывая запредельного волнения, и слегка дрожащим голосом ответил:

– Как скажешь, Айс, встретимся снаружи.

Айс еще раз потрепал друга за плечо, успокаивая, наспех обулся в высокие штурмовые ботинки на шнуровке, надел серебристо-черные доспехи, липучкой закрепил на запястьях кожаные перчатки со стальными вставками и, выпустив два коротких лезвия, – со всех ног к двери с ярко-красной вывеской **«АРСЕНАЛ»**.

Открыв обшарпанную дверь, он затолкался меж металлических ящиков со взрывчаткой и огнестрельным оружием и подошел к бледно-желтой стене со множеством стендов с луками, почти сразу же натыкаясь на свой:

«СТАРШИЙ СЕРЖАНТ АЙС ЭВАНС»

– Соскучился? – шутливо обратился Айс к большому блочному черному боевому луку и, сняв, признался: – Я тоже, дружище.

Забрав пустой вместительный колчан такого же цвета, – ловко повесил через плечо и быстрым шагом направился к большому матовому поцарапанному контейнеру с надпи-

сю «Осторожно!» Усмехнувшись в очередной раз предупреждению, он торопливо откупорил замки, быстро пробежался глазами по различным стрелам, рассортированным по типам, набрал по два десятка разрывных и обычных, положил к себе и – назад.

К тому времени остальные Тенеборцы уже завершили сборы, по двое забегали в арсенал, второпях надевали колчаны, разбирали именные луки. Пропустив еще двух бойцов, где повстречался Марк, Айс выбежал обратно в казарму, дрожащую от рева сирены, и – на выход. Поспешно открыв большие скрипучие двустворчатые двери с полустертым изображением черного сокола, он вышел наружу, с вызовом глянул на готическое осеннее небо, накинул капюшон и – по мокрой заасфальтированной дороге вслед за другими Тенеборцами к высоким стенам Периметра, за какими уже слышался гул и протяжное отвратительное ворчание.

Подбежал к лестницам, ведущим к боевому ходу, услышал громкий стрекот лопастей и обернулся, наблюдая одновременный взлет военных вертолетов с трех площадок. Техника стремительно набирала высоту, возвышалась над Горизонтом. Айс проводил их воодушевленным взглядом, потом увидел своих ребят в темных просторных капюшонах, выбегающих из казарм, помахал и громко скомандовал, перекрикивая оглушительную пальбу и взрывы:

– На стены, парни! – и застучал толстой подошвой по сырým ступеням. – Дадим им жару!

На самом верху высоченной стены быстро огляделся, кивнул пулеметчику, поливающему свинцом напирających захватчиков, встал рядом с колючей проволокой, что в несколько рядов опоясывала весь Периметр, достал разрывную стрелу и взглянул на высоковольтный забор. Сразу за ним начиналось минное поле – вторая линия обороны. Именно ему предстояло сломить натиск, когда будет прорван первый заслон. Орды склизких морфов-загонщиков, гонимые своими вечными хозяевами, – высокими, в два раза выше человека морфами-охотниками, передвигающимися в отличие от своих быстрых ищек исключительно на длинных задних лапах, – под шквалом пуль рвались к Периметру. Внешне отличались от загонщиков несильно: тощие тела, длинные, в кровавом сиянии, змеящиеся отростки на голове, шесть серых глаз, расположенных в два ряда да двупалые глянцевые конечности – вот, пожалуй, и все различия. Правда, охотники в разы превосходили тех умом и напролом к людям не рвались – ждали, когда в бой ввяжутся преданные слуги, и прятались от пуль за гнилыми деревьями, ржавыми танками, затонувшими в грязи, и в густых кустарниках, покрытых жуткими рубиновыми язвами, выбрасывающими в воздух какую-то омерзительную серую пыльцу. Место же, откуда бежала эта кошмарная бесовщина, плохо различалось из-за черного клубящегося тумана, не рассеивающегося ни днем, ни ночью, ни даже при сильном ветре. Единственное, что получалось усмотреть с такого расстояния, – это клад-

бище разодранной в клочья военной техники, оказавшейся бессильной перед захватчиками.

Тем временем загонщики, перепрыгнув бронетранспортеры, увязшие в мокрой грязи, издали хрипатые ворчания и почти вплотную подошли к высоковольтному забору, а охотники, запрыгнув на башни навеки остановившихся танков, расправили жуткие лапищи, раскрыли неправдоподобно растянутые рты и пронзительно прохрипели, подстегивая серо-черное воинство на штурм. И вот когда первые полсотни морфов налетели на электрическую преграду и протяжно заверещали, получая страшные разряды, боевые вертолеты в тандеме с пулеметчиками немедленно открыли шквальный огонь и в бой вступили Тенеборцы – элита, гордость и надежда Горизонта-26...

Стянув черный лук, Айс прицелился через коллиматорный прицел и вместе с бойцами разом выпустил разрывную стрелу. Грянул гром, и комья горячей грязи, обломков старой техники и серо-черной плоти разлетелись в разные стороны, попадали на зараженные кустарники, на высоковольтный забор. Сработало электричество, завоняло жженой плотью.

– Стрелять по готовности! – отдал он приказ и вновь выдернул из колчана новую разрывную стрелу. – Стрел не жалеть!

Через мгновение все как один натянули тетивы, и вторая туча стрел устремила к мерзким склизким тварям, за

долю секунды стирая в пепел и превращая мертвую землю за пределами электрического забора в сплошное перепаханное месиво. Прогревшиеся взрывы были настолько мощными, что все пространство на несколько секунд потонуло в грязно-черном дыму, но едва оно рассеялось, – в зависший в воздухе вертолет влетела обломанная танковая пушка. Тот, успев выпустить в ответ несколько пулеметных очередей, под общий ошеломленный вздох Тенеборцев рухнул на электрический забор и, вспоров лопастями жидкую грязь, разорвался в страшном взрыве. А через секунду загрохотало минное поле – последний эшелон обороны перед Периметром, и оставшиеся два вертолета принялись накрывать морфов ракетами, рискуя задеть стены.

– Парней потеряли... – справа раздался подавленный голос и Айс поспешно обернулся, глядя в горящие одновременно и от злобы, и от горечи утраты глаза Марка. – Когда же это все закончится...

– А ну соберись! – бесстрастно выпалил тот и, потряхнув напарника за рукав, выпустил две стрелы по толпе захватчиков, накрывая чудовищными взрывами. – Электрострелы захватил? Давай сюда!

Сложив дюжину стрел в колчан, Айс мигом натянул одну и выпустил в охотника, доедающего обгорелый труп пилота, испепеляя цепной молнией и его, и еще шестерых морфов. Следом просвистели электрострелы остальных Тенеборцев. Там, на земле, тотчас заискрились молнии, несколько десят-

ков загонщиков, уже наметившихся прыгать на Периметр, зажарило живо, обратило в уголь. В носы людей даже на такой высоте забился паленый душок. Потом сработали мины, полетели куски черного дымящегося мяса, и оставшихся инопланетных тварей, кто все-таки сумел прыгнуть на стены, при поддержке пулеметных вышек и Тенеборцев проутюжили вертолеты, скидывая обратно наземь. Покружив еще немного в небе, «вертушки» развернулись и открыли перекрестный огонь по охотникам, оставшимся практически без живой силы, но те проворно спрыгнули, уклоняясь от крупнокалиберных пуль, прохрипели, отзывая уцелевших в боине загонщиков, и напролом через кусты и воронки – назад к черному туману.

Послав вдогонку по несколько разрывных стрел, Тенеборцы победно вскричали, а Айс, убрав лук за спину, скинул капюшон и с облегчением посмотрел на позорно отступающих тварей, чувствуя, как страх, тщательно скрываемый ото всех, отступает и сменяется успокоением. Постояв так еще минуту, он проводил помрачневшим взглядом возвращающиеся боевые вертолеты, взглянул на третий, только полыхающий внизу, на разрушенный искрящийся забор, на все вокруг, а потом закрыл лицо ладонями и упал на колени.

– Айс?.. – осторожно потолкав в плечо, спросил Марк. – Ты в порядке?..

Тот секунду помолчал, помотал головой, а затем ответил мрачным голосом:

– Пойдем-ка в бар, Марк... Хреново мне что-то...

Марк помог подняться, мгновенье постояли вместе, глядя на холодное небо, и неторопливо пошли к лестнице...

* * *

На улице сыро и по-осеннему прохладно. Депрессивное дождливое небо с темными тучами тяжело нависло над вымокшим городом, едва ли не касалось верхушек обезображенных домов с арматурами, торчащими из побитых стен. В уцелевших квартирах гудел ветер, скрипел старый металл, что-то ломалось, чахло. На наклоненных фонарных столбах, обросших какой-то тошнотворной буро-красной порослью, каркали вороны, не брезгующие лакомиться даже таким нелицеприятным деликатесом. Валяющиеся то тут, то там смятые и разбитые легковушки, грузовики, автобусы покрывала странная на вид паутина, в какой уже «покоился» высушенный голубь, и толстые омерзительные лианы, опутывающие целиком. Такая же гадость разрасталась и на стенах домов, и на сохранившихся балконах, беспрепятственно проникая в оставшиеся без крова квартиры, где давно воцарилась тишина. Из окон таких квартир валила сероватая пыльца, избегаемая даже падальщиками. И недаром: эта зараза сжигает глаза и легкие за считанные секунды, обрекая любое живое существо на мучительную гибель. Обычно тут здорово выручает противогаз, но обзавестись им проблематично –

очень редкий и дорогой. Свой я вот нашел совершенно бесплатно – снял неделю назад с солдата на БТР¹ на окраине города. Бедняге высосали кишки, он нехорошо пах, но даже это не оттолкнуло от редкого трофея...

Неторопливо брел вдоль захламленной старой техникой грязной улице родного Грултауна и невольно заглядывал то в один салон автомобиля, то в другой в надежде отыскать что-нибудь полезное и ценное. Но все, на что натыкался – это скелеты, у каких помимо лохмотьев – прошлой одежды – ничегошеньки не имелось. Так обошел несколько машин, лежащих кверху брюхом, как жуки, пока не обратил внимания на стоящий прямо поперек дороги насквозь прогнивший автобус, сплошь обросший всякой инопланетной порослью.

– Заглянуть, что ль... – задумчиво протянул я, прошел по скрипучей автомобильной крыше и, спрыгнув на потресканный асфальт, со всем присущим мне любопытством рассмотрел гиганта со спущенными колесами. – Блин, может, правда заглянуть, а?..

Призадумался.

– Эх, ладно!.. – постояв в нерешительности пару минут, крикнул я и махнул. – Как говорится, была не была.

Высморкался, отпихнул продуктовую корзину – та отлетела в трухлявый остов машины с торчащим из лобового окна велосипедом и вспугнула ворон. Они тревожно каркнули и разлетелись кто куда, наполняя мертвый город жуткова-

¹ Бронетранспортер.

тым эхом. Перешагнул через разбитый вдребезги плазменный телевизор, утопленный в луже, с подозрением посмотрел на развалины, заросшие всякими инопланетными зарослями, на разоренный магазин с обвалившимся потолком и, ничего не заподозрив, – выбил покореженную автобусную дверь.

– Перестраховуюсь, – решил я и достал из вещмешка М2000² с последним фильтром, – а то мало ли чего там... – задержал дыхание, надел и – сверху капюшон, – ...а так все получше будет.

Как оказалось, внутри проржавевшего автобуса действительно было не все благополучно: разросшиеся лианы в конце, покрытые огромными пульсирующими язвами, «цвели», испуская желто-серый пух, а паутина, растянувшаяся от задних дверей до середины салона, и вовсе не внушала доверия. Залитый водой пол сплошь завалило полусгнившими листьями. Слабый холодный ветер то и дело носил их по салону, заметал в щели. По почерневшим от сырости поручням и порванным кожаным сиденьям стучали редкие капли, а над давно погибшими пассажирами и древним мусором роились откормленные помойные мухи, искали, чем бы поживиться.

– Спите спокойно, – вымолвил я, оглядев мокрые скелеты в рваных лохмотьях и, постояв так секунду-другую, про-

² Немецкий общевойсковой противогаз.

шел к водителю в выцветшей форме, лежащему на покореженном руле. – Не обессудь... – перекрестился и, стараясь не обращать внимания на усопшего, быстро осмотрел целые карманы – пусто. – Извини...

Но тот в ответ лишь скрипнул и выронил пожелтевшую челюсть с гнилыми зубами. Она отскочила под педаль газа и легла прямым на порыжелые наручные часы. Они меня, конечно, не интересовали, а вот перед водителем стало совестно – потревожил, получается, карманы хотел обчистить. Надругательство самое настоящее, кощунство. Ну а что поделаешь-то? Жизнь отныне далеко не сахар – волей-неволей и мертвецам позавидуешь: они, на счастье, спят и не видят, и не слышат всего этого кошмара вокруг...

Отмахиваясь от пристающих насекомых и опасного пуха, уже успевшего измазать стекла, – прошел в глубь автобуса и остановился, внимательно разглядывая имущество покойников, чья большая часть совсем сгнила, пришла в негодность и не представляла абсолютно никакой ценности. Всю роскошь и драгоценности уже наверняка прибрали к рукам банды мародеров еще до появления лиан, а все что осталось – это никому не нужный сор. Однако среди всего этого гнилья, хранившегося в костлявых руках своих хозяев, все же нашлось то, до чего не успели добраться грабители и вряд ли уже когда это сделают – чемоданчик, покоящийся под грудной клеткой и горой смертоносных хлопьев.

– Да уж... проблематично будет до него добираться... –

тяжело вздохнув, сомнительно изрек я, протирая стекла. – Да и уходить вот так вот не хочется – зря, что ли, лез?

Пару секунд постоял, подумал.

– Ладно, – собрался я духом, – живы будем – не помрем.

И, расчехлив нож, решительно зашагал в конец салона, на ходу прорубаясь через паутину. Та падала на пол, как занавеска, странно шипела и выпускала едкий дым. Только вроде прошел сквозь нее, – моментально с ног до головы облепило крупными болезненно желтыми хлопьями, так и норвящими просочиться под противогаз. Но все, что они могли мне сделать – доставить легкий дискомфорт: ходить, как снеговик, – удовольствие, конечно, малоприятное.

Переступив через пульсирующую толстую лиану, – кинул опасливый взгляд на поручень, целиком обмотанный сочной кровавой порослью, рискнул дотронуться.

– Мясистая, – и сам же содрогнулся от ощущений, весь перекривился, – Господи, какая же мерзость... – потер пальцы, испачканные алым соком. – Чем же вы, сволочи, планету-то нашу так загадили?..

Глубоко вздохнул, вытер жижу об левый рукав накидки.

– Ладно, – совладав с собой, промолвил я, – не за этим лез в эту чашобу.

Опустившись на колени, – стер пух со стекол, с осторожностью отодвинул мокрую человеческую грудную клетку и подвинул к себе чемоданчик, смахивая хлопья.

– Что же в тебе такое лежит-то? – хмыкнул я и, покрутив в руках, принялся ножом откупоривать скрипучие замки. – Ну-ка...

Наконец, после недолгой возни, неподатливый чемоданчик послушно щелкнул и раскрылся, высвобождая многолетнюю пыль.

– Хо-хо!.. – довольно потирая ладони, по-пиратски усмехнулся я и, собрав несколько пятидесятидолларовых купюр в хорошем состоянии, убрал к себе. – Так, а тут что у нас еще?.. Расческа... футболка... мобильник... зубная паста, щетка... Нормально... – и ахнул от удивления – бритвенный станок. – Сильно. В командировку собирался, что ли? А впрочем, мне все равно.

Скинул вещмешок и наспех покидал в него редкие находки, прикидывая коммерчески:

– Телефон, в принципе, можно загнать, а все остальное...

Мои размышления нарушили громкий собачий лай, гавканье и вой, заставившие меня мигом умолкнуть, тихонько затянуть мешок, живо забросить за плечи и крайне осторожно подползти к окну позади себя. Нарушителем городского спокойствия стала голодная исхудавшая свора бродячих собак, что кружила вокруг уличного фонаря со свисающими прядями отвратной растительности и рычала и гавкала на одинокую ворону, почему-то не собирающуюся в страхе улетать.

– Беда, – совсем невесело отметил я и, пригнувшись, дви-

нул к выходу. – Только их еще не хватало для полного счастья... – осторожно высунулся, пригляделся – две, три... двенадцать, тяжело вздохнул, снял с ноги арбалет, зарядил. – Попал, круто попал...

Тем временем дворняги одна за другой начали швыряться на столб, провоцируя ворону, но та лишь хрипато каркала в ответ, махала крыльями и по-прежнему не собиралась покидать присады. А вот голод пожирал изнутри падальщиков так сильно, что они вновь и вновь бросались на этот проклятый фонарь, вцеплялись зубами, пенились, истекали слюнями и опять неистово гавкали, словно всеми правдами и неправдами пытались заставить чертову птицу слететь на землю, а лучше – кому-нибудь в пасть. Ворона же, глядя на них, только напоследок издевательски каркнула, одним взмахом взмыла в небо, перелетела через дорогу и затерялась во мраке пятого этажа уцелевшей высотки. От постигнутой неудачи свора вконец освиrepела и с бешеным рычанием разбежалась по улице в поисках прокорма, вот только нюх почему-то повел напрямик в мою сторону...

– Надо уходить, – тихо-тихо проговорил я и попятился к окну. – И лучше – как можно скорее...

Глянув в последний раз на приближающуюся обезумевшую стаю, – протиснулся между гнилыми сиденьями, расталкивая усопших, выпрыгнул в окно и звонко приземлился на разбитое стекло, валяющееся в луже.

– Нашумел-то как... – тяжело вздохнул и ни секунды

больше – вдоль улицы, заваленной мусором и жухлыми листьями, на ходу снимая противогаз. – Если услышали – догонят, суки, в два счета...

Обежав ржавый смятый фургон с полустертой надписью Mail Pro, – перепрыгнул через обросший мясистой растительностью фонарный столб и – резко вправо, скрываясь за лежащим на боку грузовиком с рассыпанными стройматериалами. Быстренько убрал M2000, пригнулся и осторожно высунулся из темно-красного кустарника, пробившегося из-под асфальта, разглядывая своих голодных преследователей, обнюхивающих лужу, – место моего приземления. В том, что они возьмут мой след – не сомневался ни грамма, но все же надеялся на непредвиденные проблемы с собачьим чутьем. Тогда я бы выиграл время и успел затеряться где-нибудь в здешних инопланетных куцах, сбивая с пути собачью бранию, а потом просто взять и исчезнуть в каком-нибудь более-менее целом доме. А если уж те и через заросли за мной рванут, то выход остается только один: подломить чью-нибудь квартирку и держать там оборону, пока дворняги не сдадутся или не наступит ночь.

Хотя, глядя на шайку, очень сомневаюсь в их стойкости перед соблазном похрустеть заветными человеческими костями. Боюсь, помочь тут сможет лишь дротик, пуля или увесистая арматура...

– Нюхайте, нюхайте, – скривился я в ухмылке и, повесив взведенный арбалет обратно на крепление, по-тихому отбе-

жал от грузовика, стараясь по возможности не шуметь мокрым гравием.

– Нюхачи, блин, – проворно перепрыгнул невысокую разбитую бетонную плиту и затерялся в городских кровавых джунглях, шмыгая лужами.

Расчищая дорогу ножом, я все брел и брел сквозь эту жуткую чащу, как следопыт, и изредка замирал, чтобы прислушаться и постараться понять, где же сейчас находятся мои изголодавшиеся дворняги. Но всякий раз, когда останавливался, лютый лай, рык, перезвон стеклянных бутылок, жестяных банок и цокот когтей по сырому асфальту слышался все ближе и ближе, уже не оставляя ни малейших сомнений, – собаки точно взяли мой след.

– Быстро же вы... – сильнее натянув капюшон, совсем невесело произнес я и – стремглав через заросли, попутно отмахиваясь от странного гнуса, метящего в глаза. – Эти еще откуда-то взялись...

Миновав проткнутую багровой растительностью легкоушку с сидящим за рулем скелетом, в чьем рту жужжали сероватые жуки, – пригнулся, прополз под столбом с оборванными проводами, уложенными на громадной куче колотого кирпича, и выбрался к автобусной остановке. Тем временем гомон собак, обезумевших от бескормицы, гремел уже где-то со стороны тротуаров. Как и ожидал, псы в чащу не полезли, но зато быстро нашли иной путь – в обход.

– Да чтоб вас, – злобно процедил я и посмотрел сперва

налево, а потом направо, наблюдая по шесть четвероногих погонщиков, несущихся сразу с двух направлений. – Я что вам, дичь, что ли?..

В ответ на мой вопрос раздалось яростное гавканье, и несколько дворняг рванули наискосок, тотчас беря в кольцо.

– Тихо-тихо, песик... – выставив ладони, полушепотом проговорил я облезлому дохлому псу с посеревшей гладкой шерстью и пеной у рта и огляделся, насчитывая еще несколько таких же бешеных сук и кобелей. Они сдавленно рычали, шкрябали асфальт, прожигали меня насквозь плотоядными взглядами. – Спокойнее, спокойнее, – повторял не то себе, не то им, – не надо нервничать...

Но слова на одуревших от голода и холода собак действовали слабо – те лишь нагнали, увереннее подкрадывались ближе и начинали нарезать круги, словно выбирая, как лучше напасть. Свора заигрывала со мной, я в этом был твердо уверен, но деться никуда не мог: одно резкое движение – и кто-нибудь вцепится в глотку. Однако собаки пока нападать не собирались – крутились рядышком, как акулы, порывивали, роняли слюни и пену. И только одна – самая здоровая – сидела возле остановки с помятой крышей и утробно рычала, сверля горящими глазами, – вожак стаи. А от его настроения зависело не только поведение всей своры, но и, в конечном счете, моя жизнь...

...а кольцо все сжималось, сжималось...

Прикрыв обувную коробку мотоциклетной курткой, я удобнее устроился на скамейке возле школьной баскетбольной площадки и стал ждать Бетти, чьи занятия должны закончиться с минуты на минуту. Еще раз глянул на часы, засопел и перевел задумчивый взгляд на играющих рослых парней, виртуозно обращающихся с рыжим мячом. Они то и дело громко выкрикивали «Пас!», «Я открыт» и «Мне!», звенели цепями корзины и молотили по стеклянному щиту. Тренер же со скучающим видом похаживал вокруг площадки и лишь изредка принимал участие в игре, награждая кого-нибудь свистком или недовольным жестом.

– Уже без десяти, – озвучил я и закурил, – задерживается что-то.

Сделал пару затяжек и тут под ноги прикатился баскетбольный мяч, ударился о боты и остановился. Зажав зубами сигарету, я не спеша поднял его, повертел и кинул обратно подоспевшему парню в желто-синей форме и с черной дюрагой на голове.

– Спасибо! – поблагодарил тот.

– Кто ведет-то? – невзначай поинтересовался я, выпуская дым.

– Да мы пока что! – охотно и весело ответил парень, подойдя поближе. Ростом он оказался выше меня на голову. – Правда, всего на шесть очков...

– Ну, вы уж подкачайте там!

– Конечно! – улыбнулся он и поглядел на мой черно-крас-

ный спортивный мотоцикл, припаркованный рядом. – Ваш?

Я кивнул, сделал затяжку.

– Блин, вещь! – баскетболист провел ладонью по бензобаку, отполированному до блеска. – Вот это зверь... – и посмотрел на меня, – гоняет по-серьезному?

– Не жалуюсь, – уклончиво ответил я и выбросил бычок в мусорное ведро.

Но вскоре зазвучал свисток и парень, еще раз поблагодарив, поспешил вернуться на площадку.

Я лишь усмехнулся, вновь посмотрел на часы, потом поднял глаза и увидел вдалеке дочку, идущую вместе со своими подругами. Дойдя до площадки, она попрощалась с ними, помахала мне, улыбаясь, и – бегом навстречу.

– Прости, пап, задержали нас, – запыхавшись, начала оправдываться Бетти.

Я поцеловал ее, приобнял.

– Да ничего страшного, – любя потрепав за носик, успокоил я, – а я вот пока с баскетболистами вашими пообщался.

– С кем? – удивилась дочка, обернувшись на площадку.

– Да вон тот парень в черной бандане, – кивнул на того и добавил: – Байк его мой заинтересовал.

– А... этот... – как-то невесело уронила Бетти.

– Чего такое?

– Да придурок он.

– Нравится, что ль? – подмигнул ей. – А?

– Ну, пап... – покраснела дочь.

— Ладно-ладно, не лезу! — засмеялся я и примирительно поднял руки.

Бетти тоже захихикала.

— А что это у тебя под курткой? — заинтересовалась она, подходя к коробке.

Я быстренько обошел ее сзади, приобнял и поцеловал.

— А это, принцесса моя, тебе, — и убрал куртку, разрешая полюбоваться маленьким щеночком. Тот, крошечный, мохнатый, с ушами торчком, замотавшись в тряпочку, задорно вилял хвостом и с совершенно глупой мордашкой, свесив язык, добродушно глядел на дочку зеленоватыми глазами. — С Днем рождения тебя!

Прогрепевший где-то в глубинах мертвого дома неподалеку раскатистый хлопок заставил собак разом заскулить и в животном ужасе отпятиться с поджатыми хвостами. Я мигом вскинул голову и в черном оконном проеме седьмого этажа обескровленного здания увидел густую серую пыль, тянущуюся через всю улицу. Следом прозвучал какой-то треск, и вороны, угрюмо восседающие на торчащих арматурах и столбах, тотчас всполошились и разлетелись кто куда. В следующий миг из окна вылетела ванна и с нутряным грохотом обрушилась на тот самый автобус, где мне совсем недавно удалось побывать. Бродячие собаки еще тише заскулили и отступили к перевернутым машинам слева, уже не обращая на меня никакого внимания.

– Что-то мне это не нравится... – тревожно подметил и посмотрел на окно, откуда на сей раз вылетел холодильник, мигом проломивший крышу прогнившему грузовику, преспокойно стоявшему близ кровавых зарослей. – Надо бы валить отсюда подобра-поздорову...

С недоверием посмотрел на запуганную свору бродяжных облезлых собак, потом – на затянутый пылищей проем и хотел уже побежать отсюда куда подальше, как вдруг в седой хмари промелькнул худощавый силуэт с длинными лапами и город наполнился мерзким трескучим хрипом.

Собаки завизжали и – в заваленные подворотни, как можно скорее спасаясь от страшной опасности, а я, в лихорадке выхватив арбалет, со всех ног пустился вверх по улице.

– Мне сегодня везет как утопленнику, – толкаясь меж остовов машин и отломков стен, признался я и, пробежав по скользкому столбу, как заправский канатоходец, минуя глубокую затопленную рытвину, спрыгнул на хлипкий капот искореженного до неузнаваемости спортивного автомобиля. – Теперь еще только морфов не хватало для полного счастья...

Обернулся на секунду и увидел с десятков серо-черных тварей, выползающих из окон верхних этажей. Одна из них спрыгнула на землю, а другие ящерицами расползлись по стенам, развивая феноменальную скорость.

– Не оторвусь, – решил я и, растолкав размоченные коробки и ящики, обежал разодранный надвое фургон и завернул в первый попавшийся полузатопленный подъезд, где плава-

ли доски, пластиковые бутылки и чья-то обувь. – Быстро нагоняют, заразы...

По щиколотку войдя в холодную застоялую воду, – помчался вверх по полуразрушенной лестнице без перил. Уже слыша снизу хрипы, мерзкое ворчание и шарканье, я как сумасшедший взбирался все выше и выше, преодолевая этаж за этажом.

– Не отпустят, – холодно и обреченно молвил я, слыша плеск воды, хрипчатый рык и топот по ступеням, доносящийся с нижних этажей. – Ей-богу, не отпустят...

Поднялся еще на этаж выше, кое-как отдышался, потрогал молотящееся сердце и полубегом взобрался еще на одну лестницу – последнюю: дальше часть дома отсутствовала. Морфы же неумолимо следовали за мной, буквально загоняя в клетку, где не было никакого выхода. Они знали, что мне – бродяге-одиночке – деваться уже точно некуда, и что всего-навсего несколько этажей отделяют их от вожака добычи. А дальше... мне оторвут руки с ногами, вспорют брюхо и высосут кишки, как тому солдату, чей противогаз спас мне жизнь в автобусе. Но все-таки еще имелись шансы спастись: первое – запрятаться, как таракану, в какой-нибудь щели, и второе – достучаться до кого-нибудь через железную дверь в конце коридора с обшарпанными и исцарапанными стенами. И последний вариант нравился куда больше.

– Ну уж нет – хрен вам! – прикрикнул нагоняющим морфам и из последних сил помчался к намеченной цели. – За

еду еще надо побороться!

Добежал и принялся в горячке дергать ручку, ломиться, снова дергать, молотить изо всех сил кулаком, уже даже не понимая, что делаю, в то время как инопланетные хищники уже ворчали всего-то этажом ниже, и до встречи с ними оставались считанные секунды.

Сплюнув не то от отчаяния, не то от осознания своего безвыходного положения, я достал нож и хотел решиться на крайнюю меру – по-воровски взламывать замок, но шорохи и ворчания раздались уже на лестничной клетке. Обернулся в горячке и обомлел, разглядывая своих будущих убийц: морфов-охотников и загонщиков.

– Подавитесь! – крикнул им и выстрелил в самого резвого, попав куда-то ниже плеча и столкнув обратно на сородичей. Те в ответ разъяренно захрипели и ринулись в коридор.

Ну вот и конец. Все кончено. Я сглотнул, прижался затылком к предательской двери, почему-то улыбнулся, преспокойно достал следующий дротик, подумал о Бетти, но зарядить опустевший арбалет так и не успел – щелкнул дверной замок. Тут же отскочив в сторону, – в последний раз взглянул на почти вплотную подбежавших тварей с серыми глазами, как в следующее мгновение железная дверь распахнулась, и показавшийся из нее бородатый мужчина в грязной футболке и помповым ружьем пристрелил замахнувшегося на меня загонщика.

– Чего стоишь?!.. – прокричал он и, передернув подвиж-

ное цевье, разнес морду следующему морфу, на этот раз – охотнику. – Живо внутрь!

Я послушно проскользнул в пустую облезлую квартиру с двумя валяющимися на полу матрацами и в испуге обернулся на звук захлопывающейся двери, слыша доносящиеся снаружи стуки, удары и мерзкое ворчание. Постоял так еще какое-то время, отдышался, перевел дух и осмелился подойти к спасителю.

– Там еще? – поинтересовался я, пытаюсь прислушаться к хрипам за дверью.

– Сейчас уйдут.

– Гнались за мной, черти, едва ли не через всю улицу, – пытаюсь поддержать разговор, вставил я.

– Я тебя видел в окно, – не оборачиваясь, ответил незнакомец и, прислонившись ухом к двери, добавил тише: – Ну все: кажется, ушли.

Положил ружье на плечо и повернулся ко мне.

– Повезло тебе, конечно, что забежал именно в мой подъезд, а то бы точно схватили.

Я промолчал, глядя тому в темные глаза.

– Спасибо тебе.

Тот скромно улыбнулся, поправил всклокоченную бороду и ответил:

– Не за что, – и, вытерев руку о штанину, протянул мне: – Я – Майк Грин, будем знакомы.

– Сид, – в ответ представился я и ответил рукопожатием, –

Сид Форест.

II

В баре – шумиха, кутеж и пьяное веселье.

Допив пиво, Айс насухо вытер рукавом губы, поставил опорожненную бутылку на барную стойку и подвинул суетившемуся бармену, выполняющему другой заказ.

– Спасибо, – захмелевшим голосом поблагодарил он и, вынув из кармана купюру, с хлопком положил возле бутылки и поднял на того потупившийся взгляд: – Заслужил.

Тот лишь галантно кивнул и ловко забрал деньги вместе с бутылкой.

Еще немного посидев на высоком барном стуле, Айс совсем заскучал и стал искать глазами своего напарника. Тот о чем-то горячо бедовал с другими курящими Тенеборцами, размахивал руками, закатывался смехом. Протиснувшись мимо бойцов, играющих в бильярд, Айс окликнул Марка и подошел.

– Ты куда подевался-то? – и, поздоровавшись за руку со всеми остальными, добавил: – Хоть бы сказал, а то сижу как этот...

– Извини, старина, – извинился Марк и мгновенно посерьезнел, – да ты чего-то закис, я решил тебя не трогать...

Айс понимающе кивнул и ответил, но как-то тихо, удрученно:

– Пойдем-ка на улицу – воздухом подышим.

Напарник посмотрел на него, а потом сказал другим Тенеборцам: «Мы скоро» – и, хлопнув друга по плечу, понятиливо заявил:

– Пошли.

Снаружи держалось странное затишье. Отошли от дверей, как-то невзначай поглядели на мертвенно-бледное небо, не предвещающее ничего хорошего, и помолчали, каждый думая о чем-то своем. Очередное нашествие жутких морфов, сумевших добраться теперь уже до самого минного поля, смерть боевых товарищей и гибель вертолета, и так стоящего на вес золота, – все это мрачило, угнетало и не давало отвлечься. Но больше печаливало то, что держать оборону Горизонта-26 становилось все сложнее и накладнее: склады с боеприпасами, медикаментами, провизией, запчастями, топливом и расходными материалами – постепенно редели, иссякали, вынуждая иной раз серьезно экономить имеющиеся на базе ресурсы. Касались такие распоряжки зачастую рядовых Тенеборцев и научный персонал, но бывало под раздачу попадали офицеры и сержанты, кому в полтора, а то и в три раза урезали рационы питания, выдавали по минимуму боеприпасов и в рейдах выделяли по одному или максимум два БТРу. Да и людей, способных сдерживать цитадель от растущих полчищ инопланетных захватчиков, разумеется, не прибавлялось: одни умирали от странных болезней, другие – от лап морфов, а третьи – просто пропадали без вести, так и не возвратившись с боевого задания...

– Надеюсь, с забором разберутся в кратчайшие сроки, – нарушил тишину Марк и обежал беспокойным взглядом ангары с боевой техникой и два одиноких боевых вертолета на вертолетной площадке, – а то если морфы опять набегут, отбиваться от них будет уже проблематично.

– Починят, – коротко и вдумчиво ответил Айс, а сам с неуверенностью вздохнул, набросил капюшон. – Ремонтников вроде уже выслали.

– Ну, дай бог, – закивал Марк и цокнул: – Блин, еще походу заново минировать Периметр придется, а то потом в самый неподходящий момент окажется, что у нас и нет ни хрена.

– Тоже разберемся: во втором и третьем отряде ребятки молодые есть – толковые минеры, – успокоил Айс и глянул на него: – Так что это тоже не проблема, – а потом вдруг нахмурился весь, засопел, опустил глаза, – а у парней сегодня был бы особенный день – пятидесятый боевой вылет... отметили бы...

– Да уж. Отметили...

Стало совсем не по себе. Замолчали.

Простояв так несколько минут, Айс уже было хотел предложить напарнику вернуться в казарму, чтобы догнаться чем-нибудь «позлее» и еще раз помянуть погибших, но тут затрещала рация на поясе и тот незамедлительно принял вызов:

– Старший сержант Эванс на связи, – будничным тоном

представился Айс и посмотрел на Марка – он специально встал рядышком, хотел подслушать.

– Сержант, профессор Гельдман вызывает вас к себе. Рекомендуем вам отложить все свои дела и не задерживаться.

– Что за срочность? – покосившись на напарника, задал Айс прямой вопрос, но ему больше ничего не ответили.

Хмыкнув, Айс повесил обратно небольшую поцарапанную рацию и, изобразив на лице полнейшее замешательство, – Марку:

– Старику зачем-то понадобился...

– Срочное кажись что-то, – осмелился предположить тот и добавил: – Просто так он нас не дергает... Походу что-то реально важное.

– Хрен его знает, – пожал плечами Айс, – может, жалование прибавит за заслуги, так сказать!

Дружно захохотали.

– Ага, – сквозь смех вставил Марк, – а потом догонит и еще прибавит!

– Ладно, чего гадать-то: пойду и узнаю все, – резюмировал тот и несильно постучал кулаком Марку по нагруднику: – Ну что, братишка, ты сейчас куда тогда двинешь?

– Пойду еще пивка тогда закажу и – в казарму, наверное...

– О кей, тогда там и встретимся, – кивнул ему Айс, – расскажу тогда все, как приду. Помолись, что ли, за меня: может, не вернусь оттуда!

– Договорились! Свечку поставлю! – по-доброму съехид-

ничал Марк и, улыбнувшись пожелтевшими зубами, с натяжным скрипом открыл входную дверь в бар и опять растворился в табачном дыму и пьяном смехе.

Решив не терять времени понапрасну, Айс повернул назад и зашагал к невысокому бетонному зданию, виднеющемуся сразу за стрельбищем, огороженным сетчатым забором, где кроме изрешеченных муляжей морфов никого пока не наблюдалось. Отсалютовав четверым бойцам, несущим тяжеленные металлические контейнеры, – пересек небольшую асфальтированную дорогу с разделительными полосами и пошел мимо вертолетной площадки, с какой-то особенной грустью и болью разглядывая пустующее место. Тяжело вздохнув, Айс обошел разросшиеся вдоль забора жухлые кривые кусты и прибавил шаг, волей-неволей разглядывая большие незапертые ангары с различной военной техникой, томящейся в тамошней духоте.

– Почистить бы их по-хорошему, – сделал вывод Айс, разглядывая гусеницы легкого танка, – да и подварить бы не помешало.

Завернув налево, Айс пропустил грохочущий камуфлированный БТР с Тенеборцем на башне, отдавая тому честь, пересек дорогу с первыми побегами кровавых инопланетных сорняков, буйно пробивающихся из-под асфальта, и вплотную подошел к массивным железным воротам.

– Открывайте, что ли, – негромко огласил он и с тихим звоном похлопал.

Через секунду над ним раздался приветливый голос и пронзительно ухнул электромагнит, отворяя гостю тяжелые створы:

«Добро пожаловать в научный комплекс, сержант Эванс! Как войдете, заходите в главные двери и поднимайтесь ко мне на второй этаж:».

Очутившись внутри, Айс окинул быстрым взглядом территорию научного комплекса и присвистнул, наблюдая то несколько парников с мерзкими растениями, то накрытые под навесом мощные электрогенераторы с ярко-черной вывеской **«Опасно: высокое напряжение!»**, то грузовики с массивной аппаратурой в кузовах.

«Серьезно у них тут», – отметил он и прошел мимо курящих, оживленно ведущих дискуссии ученых.

Зайдя в просторный светлый комплекс и поздоровавшись с вечно куда-то торопящимися сотрудниками, Айс откашлялся и заспешил к просторной лестнице. Почему-то ему здесь резко стало неуютно и неприятно: всевозможные едкие запахи, суэта, гвалт – все это как-то угнетало, что ли, не позволяло чувствовать себя свободно. Кругом носились, бегали, сновали и бродили люди в белых халатах, вжикали автоматические двери, шумели вентиляция и кондиционеры, звучали какие-то цифры, распоряжения и обращения.

Несколько раз Айса едва не сшибли телегой, а два других – мчащиеся, словно табун лошадей, ученые, едва не расколотившие об пол капсулы вместе с планшетными компью-

терами. Их, а особенно – профессора Эрика Гельдмана, он недолюбливал, но всячески скрывал этот факт, хоть давалось и нелегко: приходилось постоянно натянуто улыбаться и соглашаться с каждым словом чопорного старика. Но как бы ни кривился перед ним, как бы ни презирал и даже, быть может, ненавидел в душе, Айс понимал: без Гельдмана и всех этих тщедушных трусливых слизняков Горизонта-26 не существовало бы. И не было бы Периметра, не было бы их, Тенборцев, не было бы надежды и веры в завтрашний день. Однако, говоря откровенно, непросто существовать под одной крышей с тем, кто, так или иначе, повинен во всем этом крошечном аде, распространившемся по всему земному шару.

Поднявшись на второй этаж, Айс наспех огляделся и решил заглянуть в первую попавшуюся лабораторию, надеясь застать профессора именно там. И не ошибся – тот, сидя к нему спиной, работал за компьютером. Айс зашел внутрь и пару секунд постоял в нерешительности, разглядывая разнообразное вычислительное оборудование, громоздкие климатические и криогенные камеры, инкубаторы, и робко доложился:

– Старший сержант Айс Эванс по вашему приказанию прибыл, сэр, – и – навтыяжку, – какие будут...

– Довольно всей чертовой этой формальности! – с веселостью попросил Гельдман, а сам, допечатав текст, клацнул мышкой, задвинул клавиатуру и не по возрасту озорно кру-

танулся на стуле, встречая визитера как всегда пытливым, сосредоточенным взглядом. – Капюшон можете снять – помещение отапливается.

Айс даже немного покраснел от такого нелепого замечания, но быстро совладал с собой и скинул темный капюшон, рассматривая вытянутое умное лицо уже немолодого профессора в очках с тонкой оправой. Его незаметно меняло время, подпорчивало морщинами, но своей располагающей к себе притягательности оно от этого не утрачивало, а напротив – даже усилило это впечатление.

– Так гораздо лучше, – профессор удовлетворенно покачал большой головой и в холодной улыбке натянул тонкие губы. Светлые отливающие голубизной глаза отыграли льдом. – Что, вы так и будете стоять в дверях? – кивнул на свободный стул неподалеку от себя, – проходите-проходите, присаживайтесь.

Тот повиновался, ожидающе и грузно взглянул на Гельдмана.

Перехватив его хмурый взгляд, профессор нарочито громко отхлебнул холодный кофе из узорчатой термocupки, оправил посеревший лабораторный халат, голубоватый замызганный воротничок рубашки, галстук в желтый горошек, причесал жиденькие ахроматические волосенки и начал издалека:

– Прежде всего, я хотел бы выразить вам свои глубочайшие соболезнования, – сочувственно вздохнул, глядя в пас-

мурное уставшее лицо старшего сержанта. – Я скорблю вместе с вами, сержант.

– Спасибо, – сухо ответил Айс и, откинувшись на спинку стула, закончил: – Только словами парней не вернуть.

Гельдман промолчал, допил кофе.

– Понимаю... – скорбно протянул он и тут же, глубоко внутри наплевав на чужое горе, поспешил сменить тему: – Имеются ли повреждения Периметра Горизонта-26, сержант?

Айс секунду подумал и стал загибать пальцы:

– Прорван электрический забор, требуется повторное минирование территории Периметра, осколками посекло стены...

– Понятно, – не дослушав до конца изложение, спокойно произнес профессор и, сняв очки, добавил, потирая глаза: – Все это, конечно, весомо, дорого, но, к нашему счастью, восстановимо. Так что все обязательно починим. Однако я бы с вами хотел поговорить несколько о другом...

– О чем же?

Профессор помедлил, встал, обошел стул.

– О Сумеречной Зоне, – прямо ответил он спустя минуту, неотрывно смотря тому в сероватые покрасневшие глаза. – Скажите, сержант: вы готовы меня выслушать самым внимательнейшим образом?

– Готов.

– Хорошо, – мигом преобразившись, Гельдман хлопнул в

ладоши и – сразу к сути: – Как, думаю, вам уже известно, Сумеречная Зона – порождение Порталов, которая, в свою очередь, является, так сказать, нашей с вами злободневной темой и головной болью. Не хочу возвращаться в прошлое и как-то оправдывать свои действия, но могу чистосердечно заявить: ошибки тогда я не допустил никакой. Не мне вам объяснять, сержант, что есть вещи, которые невозможно прогнозировать, подвергнуть анализу или просчитать – это просто-напросто невозможно. Поэтому надо сосредоточиться на, так сказать, следствии...

– Что конкретно от меня требуется? – не дав договорить профессору, напрямую спросил Айс.

Гельдман немного помялся, но все-таки ответил:

– Вопрос с Сумеречной Зоной стоит остро, сержант, поэтому я предлагаю вам работу, которая как раз... – смерил Айса оценивающим взглядом, – ... вам по плечу. Я хочу, чтобы вы оказали мне услугу – поймали для меня морфа-стража. Живого, разумеется. Возможно, с его помощью нам удастся приблизиться к вопросу понимания природы этой Зоны и положить ей конец раз и навсегда, – помолчал, наблюдая за реакцией своего визави, – тот слушал предельно внимательно, темнел в лице. – В случае успеха вас ждет существенное материальное вознаграждение в размере пятикратного жалования и повышенные рационы. Что скажете, сержант Эванс? Вы готовы послужить науке?

Айс молчал. Размышлял. Думал.

– Вы согласны? – повторил вопрос пожилой профессор. Но Тенеборец медлил с ответом, двигал скулами.

– Что ж... – устало вздохнув, раздосадовано протянул Гельдман и даже как-то потерял интерес к своему угрюмому подвыпившему гостю, – в таком случае я вынужден искать...

– Я согласен, – резко оборвал Айс и бросил на Гельдмана какой-то хищный, проникающий взгляд. – Только у меня есть одно условие.

– Слушаю? – с деловым тоном изрек профессор, подвигаясь к сержанту поближе.

– Команду я набираю лично.

* * *

В квартире Майка уюта не чувствовалось. Грязные голые, в трещинах, стены почти не спасали от холодного сквозняка, рвущегося через крупные щели, жутковато гудели. Окна, кое-как заколоченные трухлявыми досками, не внушали ни малейшего доверия, а раздробленный пол под подоконником и вовсе заставлял усомниться в надежности этого убежища. С потолка на кухне, грозящего обвалиться в любой момент, сыпались крупные бетонные крошки, падали тяжелые, свинцовые капли, а в гостиной, прямо над нашими головами, темными проплешинами зияли здоровенные сквозные дыры, за какими виднелись соседские колыхающаяся люстра и фрагмент стены с выцветшими картинами и лохмотьями обоев.

Повсюду бардак, грязь, разруха. Мебели нет никакой – все пошло на растопку. Пахло прелью, сыростью, чем-то давно скисшим, прокисшим, протухшим. Иногда ветер приносил снаружи кислый запах гнилых листьев, а бывало – резко менял направление, и тогда всю квартиру в один миг заполнял отвратительный смрад разложения, от которого кружилась голова и подступала рвота.

– Не обращай внимания, – произнес Майк, как ни в чем не бывало продолжающий начищать ружье, – в квартирке над нами труп в ванне плавает: там, видать, вода застоялась, вот он и подпортился, хотя раньше не вонял. Но ничего: скоро его крысы растащат и помещение проветрится.

– И ты так спокойно об этом говоришь?!.. – пораженный, обескураженный, спросил я и, весь передернувшись душевно от такого вопиющего цинизма, накинул капюшон и поспешил отползти на краешек местами изодранного подмокшего матраца.

– А что? – удивился тот, захолопал глазами и даже положил сияющее от чистоты ружье рядом с небольшим замызганным рюкзаком. – Что тут такого-то?

– А ничего, что это живой человек был когда-то, нет?.. – укоризненно бросил я, но постарался сделать это в мягкой форме, дабы ненароком не спровоцировать на агрессию едва знакомого хозяина укрытия.

Но Майк лишь подавился неприятным смехом, поднял с пола старую спортивную куртку, отряхнул и надел, ближе по-

двигаясь к кострищу.

– Я тебе даже больше скажу, Сид: он – мой сосед и хороший знакомый, – перестав смеяться, наконец, ответил он и поковырялся ржавой железкой в золе, словно пытался что-то там разыскать, – мы с ним обычно вместе по здешним магазинчикам прогуливались, бывало, даже на морфов пару раз охотились, – и продолжил, понизив голос: – А потом он сразу какую-то подцепил и совсем перестал выходить, – внимательно посмотрел на меня, – тогда я однажды сам к нему наведалься. В комнату, значит, прошел, гляжу – нет никого. Звал его, звал – тишина, а как в ванну-то заглянул, так и побледнел весь: лежит мой сосед в ванне без кожи и волос...

– А чего ж не похоронил-то по-человечески? Побрезговал, что ли? – вкрадчиво, но без особого напора спросил я и несколько секунд въедливо посмотрел в его глаза, вдруг ставшие холодными.

Вместо ответа Майк насупился, виновато опустил голову и запустил пятерню в штаны, вынимая мятую-перемятую обломленную у фильтра сигарету. Кинув в рот, он секунду-другую пожевал ее, посопел, как-то страдальчески взглянул на меня, по-прежнему не проронив ни слова, а потом резко встал и неторопливо прошел к небрежно заколоченному окну. Постоял возле него с минуту, так же молча прикурив, выпустил дым и тихо-тихо промолвил:

– Я испугался... – осторожно, боязливо глянул меж досок на мертвую улицу с несущимися хрипящими морфами,

сделал затяжку и продолжил: – Струхнул, понимаешь? Когда увидел его там, то меня будто ледяной водой облили: затрясся, задрожал весь, даже дар речи потерял. Не смог я принять это! Ну не смог и – все... – повернулся ко мне, – убежал я оттуда, как ошпаренный...

Я промолчал, а Майк докурил сигаретку ровно до половины, затушил окурок о мокрый холодный подоконник и опять вздохнул.

– Один я совсем остался... даже выговориться некому... – наконец произнес он, – страшно это, Сид, одному оставаться, очень страшно, а ведь нельзя человеку по природе своей быть одному. Нельзя, слышишь? А?.. Вот что ты так смотришь на меня, как на зверя какого-то? Осуждаешь? Презираешь?.. Тварью считаешь? Дерьмом? Чем?.. Нет, ты скажи – я же знать хочу! – скривился, губы задрожали не то от злобы, не то от отчаяния. – Хех, это БОГ, БОГ меня осуждать должен, а не ты! Что вот ты все глядишь на меня, молчишь так страшно? Думаешь, что я глот какой-нибудь и уважения нет к мертвым? А?! Так ты думаешь, да?!..

И отмахнулся, посмотрел в окно, замолчал.

– Не могу я похоронить его... – продолжил откровенничать Майк. Голос налился сталью, силой. – Особенно когда знаешь, что твари эти с ними делают...

– И что же делают?

Тот умолк, наполняя полуразрушенную квартиру каким-то жутким, холодным и липким безмолвием.

– Жрут они их, Сид, – сделал страшное заявление Майк, и по моей спине побежали мурашки, – выкапывают из земли и жрут, трупеды проклятые. Загонщики в особенности...

Замолчали.

– Да уж... – не зная, что и сказать, протянул я, – ты сам-то такое видел?

– Доводилось, – уклончиво ответил тот, – неприятное зрелище, хочу сказать... – подошел ко мне и резко сменил тему: – Предлагаю немножко погреться, а заодно – и подкрепиться, что скажешь?

– Погреться-то можно, – пожал плечами, – только у меня есть нечего.

– Не беда – у меня кое-какая заначка припасена, – мигом оживился Майк, потер мозолистые ручки и – в угол, где лежал «хворост» из ножек недавней мебели. – Отметим, так сказать, знакомство! – притащил несколько деревяшек, побросал в пламя, вздымая черную густую пыль, а потом рванул к холодильнику, открыл, вспугнув мух, что сидели на дверце, и достал помятую банку тушенки. – О! Вещь, да?

– Ну да, все лучше чем... – хотел было сказать «чем крыса», но вовремя осекся и решил умолчать об этом. К счастью, бородач в подробности вдаваться не стал, а поднял с пола газетку, отряхнул и вернулся, запихивая под деревянные ножки.

– Все под рукой? – подшутил я, следя за манипуляциями Майка. Тот вытащил из рваного матраца зажигалку и поджог

кончики пожелтевшей газеты «The Sun» с очень броским и громкоголосым заявлением на первое полосе:

«ЭРИК ГЕЛЬДМАН:

ГЕНИЙ ИЛИ ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР?»

– А ты как думал! – усмехнулся тот и, дождавшись, когда огонь с бумаги переползет на разохшиеся ножки стульев, откупорил ножом банку и вдруг вскочил, направляясь к окну.

– Ты чего это? – удивился вначале я, но потом быстро смекнул, что затеял Майк, достал из вещмешка воду – той, по сути, оставалось-то на два глотка – и вооружился вилкой. – Думаешь, так не заметят?

– Нет, – уверенно заявил тот и, напрягшись весь до треска в костях, с красным, как кирпич, лицом поднял ржавый железный лист, стоявший у стены, и водрузил на подоконник, целиком закрывая окно вместе с хмурым осенним небом. – Порядок! Теперь комар носа не подточит! А то, знаешь ли, любят эти твари по домам чужим пошмыгать, а так нас и не видно и не слышно, и костер прикрыли.

«Предусмотрительно», – мелькнула мысль, но вслух озвучивать не стал.

Когда Майк вернулся, огонь уже гудел, трещал и щелкал

не на шутку. Помещение быстро наполнялось седым душистым дымком, долгожданным теплом и даже своеобразным уютом, располагающим, как это часто бывает, к общению по душам.

Треск, тихие хлопки, треск.

Небольшое рыжее пламя рьяно выплясывало, точно на показ, шумело и подрагивало от сквозняков, проникающих через множественные щели. Всякая мошкара, что жужжала где-то под потолком, – улетела прочь, наглотавшись дыма, а надоедливая сырость наконец-то начала уступать место жару, понемногу просушивающему квартиру и отгоняющему нестерпимый запах тлена. По стенам забегали змеевидные черные тени, на полу заблестели влажные бетонные крошки и старый мусор. Воспользовавшись таким случаем, я расшнуровал запачканные бледно-зеленые армейские ботинки, вместе с носками поставил сушиться возле костра, а сам расселся на матрасе, по-хозяйски скрестив ноги.

– Ничего, что я так?.. – кивнул на берцы и почесал левую пятку, где помимо трех мозолей появилось еще два натоптыша – результат длительных скитаний.

Майк улыбнулся в бороду, покачал головой – мол, ерунду какую-то спрашиваю – и зашебаршил вилкой в банке.

– Ну и славненько, – изображая на губах подобие улыбки, изрек я, и, поскоблив черную кляксу от крови загонщика на светло-голубых джинсах, скинул капюшон и осторожно обратился к кушающему Майку: – У тебя сигаретки не оста-

лось?

– Ща, – отложив консервы, чавкая, ответил он, пару секунд порылся в карманах замызганных штанов и протянул помятую сигарету.

– Спасибо, – поблагодарил я и, подув на фильтр, с превеликим блаженством зацадил горьким дымком.

Долго молчали.

– Давно в городе-то? – проглотив картошку, нарушил затянувшуюся тишину Майк и протянул мне банку с полагающейся половиной.

– Несколько недель где-то, – неопределенно ответил я, хотя, по правде сказать, и сам уж толком не помнил, как давно вернулся в развалины Грултауна. Столько ведь воды утекло с той поры, когда катастрофа разлучила нас с Бетти, раскидала по разные стороны, отняла нас друг у друга. Но хоть тянулось оно и медленно, словно тихая и неприметная речушка, течение ее уносило с собой наполненные страхом и кошмаром дни, недели, месяцы. На моих глазах распускались и чахли еще здоровые деревья, выпадали и таяли снега, наступала и сходила жара, начинались и прекращались страшные ливни, вставало и заходило солнце. Много еще чего мне показывало время – всего уже, конечно, и не упомнишь. И научило много чему – оно-то, как известно, учитель хороший, чуткий, но требовательный.

– Странно, что я тебя здесь раньше не встречал, – внимательно, оценивающе посмотрев на меня, промолвил бородач

и, поковырявшись грязным ногтем в гнилых зубах, с подозрением: – Народу, знаешь ли, в городе не так-то много живет – по пальцам одной руки пересчитать можно. А уж новеньких-то запомнить легко...

– Я по окраинам в основном ходил, – достаточно туманно пояснил я и, пульнув бычком в огонь, принялся за тушенку. Ни вкуса, ни запаха для себя не отметил – резина и есть резина. Правда на вилке она выглядела куда аппетитнее, нежели крысытина.

– А чего ты там ходил-то? – начал наседавать с расспросами Майк. Глаза в свете рыже-красного пламени заблестели хитро, остро, как у волка в сумерках. – В магазинах нет ни хрена, забегаловки всякие – разграблены, в домах пожить нечем, морфов кругом не счесть и даже от дождя укрыться негде. Что забыл-то там?

– Ну как сказать, – спокойным тоном возразил я, продолжая трапезу, – если знать места, то можно много чего интересного найти.

Такого рода ответ Майка не устроил, он начал закипать, дымиться, как чайник.

– Так дело не пойдет, Сид... – кинув какую-то стекляшку в огонь, отчего тот разбушевался, огрызнулся искрами, сердито проговорил Майк, – послушай...

– Что ты от меня хочешь? – спросил я напрямую, откладывая опорожненную банку в сторону.

– Просто интересно: кто ты такой, откуда... – сбавив пыл,

примирительно парировал тот и протянул руки к костру, согреваясь. – Сложно сказать, что ли, не пойму? Чего загадка-ми-то говорить?

Я секунду помолчал, думая: говорить или нет? – Майка-то знал от силы час. Но все-таки решился:

– Жил я здесь, в Грултауне, еще задолго до катастрофы. Вырос здесь. Моя, так сказать, малая родина.

– Ничего себе! – присвистнул Майк и взлохматил сальную бороду. – Так ты домой вернулся, получается, что ли?

– Получается, что так, – пожал плечами, – только домом это уже не назовешь – чистилищем скорее. И руины одни, как и везде, и растения эти...

– А что ты тут вообще забыл-то? Город – место страшное, тем более для одиночек.

– Ищу одного человека, – бесцветно ответил я, кинув на Майка тяжелый взгляд.

– А кого, если не секрет?

– Ты ведь все равно не отвяжешься?

Майк помотал головой, улыбнулся и признался честно:

– Не-а.

– Я так и думал, – сухо ответил я и, секунду помолчав, глядя на выплясывающие языки пламени, – со вздохом: – Дочь ищу...

Майк смолк.

– И давно? – спросил он спустя минуту.

Я опустил голову – стало невыносимо тошно, сердце за-

щемило, закусало, зажгло.

— Пять лет, — откровенно сознался я и добавил, протянув и четко проговорив каждое слово: — Пять... Долгих... Лет.

Майк понимающе и, как мне показалось, совершенно не наигранно склонил голову, вздохнул, словно изнеможенный рабочий, и почти шепотом произнес:

— А я всех своих уже давно схоронил, все слезы выплакал, все волосы повыдергивал из головы... — и совсем сник, — ничего теперь в душе не осталось, одна лишь пустота, будто могила вырытая, — опять вздохнул и перевел опечаленный взгляд на меня: — Сид, может быть, это не мое дело, конечно, но почему ты уверен, что твоя дочь... — последнюю фразу либо побоялся досказать, опасаясь моей реакции, либо умышленно проглотил, — ...тем более уже пять лет прошло. Это много, Сид, реально очень много. Тут за месяц-то все до неузнаваемости поменяться может, а здесь пять — пять! — лет!

Я беззлобно взглянул на Майка исподлобья, посмотрел в темные уголки глаз, на почти безволосую голову, на обветренные губы, на приплюснутый нос, на шрам на щеке, и ответил твердо:

— Она жива. Я уверен. И я иду, иду за ней... — договорил, достал из внутреннего кармана фотографию Бетти, ссутулится по-стариковски и опять посмотрел на понемногу гаснущий костер.

— Ее фото? — аккуратно поинтересовался Майк, кивнул на

фотографию. – Можно взглянуть?

Я страдальчески посмотрел на него и, бессловесный, передал снимок.

Майк на несколько секунд задержал на дочери пытливый взгляд, призадумался и хмыкнул, возвращая фотографию обратно.

– Красивая, – без тени иронии промолвил Майк, – сколько ей тут?

– Пятнадцать.

– У нее глаза твои, – искренне улыбнулся бородач, – как две капли воды.

Я невесело усмехнулся, убирая фотографию, и ничего не сказал.

– Почему ты думаешь, что она здесь? Этот город же – дырища... сам посмотри, – Майк ткнул пальцем на заколоченные поскрипывающие от сквозняка окна. А за ними – гробовое молчание, нарушаемое только собаками да воронами, изрядно осмелевшими после ухода морфов. – Здесь только смерть искать...

– Тянуло меня сюда, – очень расплывчато попытался объяснить я, хотя и сам не до конца понимал, зачем вернулся именно сюда, проделав такой путь. А манила меня в Грултаун обостренная, безликая, как ангел, надежда. Она, точно щитом, защищала от ненастий и знающе вела за руку вопреки сомнениям, согревая и помогая уверенно идти там, где уже никто не ходит и никогда не пройдет. – Вело что-то. Не

знаю, как яснее объяснить...

Майк долго молчал.

– Странный ты человек, Сид, – наконец признался он, – вот смотрю на тебя и не пойму никак: то ли у тебя в мозгах протечка случилась на почве всего произошедшего, что я, разумеется, по-человечески могу понять, то ли ты действительно не так прост, как кажешься. Лично я больше склоняюсь ко второй версии, – по-кошачьи прищурился, – простой человек с одним арбалетом по городу в принципе ходить не может...

Я с настоящим удивлением покосился на арбалет, будто только узнал о его существовании, потом на Майка, и промолчал.

– Иной раз ружье-то не всегда помогает, а тут – арбалет, да еще, как вижу, спортивный, пистолетного типа... – продолжал он, с подозрением кивая, – почему огнестрелом-то не пользуешься?

– Шумит, – негромко пояснил я, – а шуметь нельзя – опасно.

– Гм... – промычал Майк и пригладил бороду, не став спорить, – может, итак...

Опять замолчали.

Пока Майк рефлексировал, с отрешенным видом созерцая увядающий костер, я быстренько ощупал изрядно нагретую обувь, носки, стряхнул пепел и надел, ощущая приятное тепло, разливающееся по всему телу. Сделав один

маленький глоток из бутылки, – молча протянул остатки своему собеседнику и прикрыл глаза, задумавшись.

– Я знаю, как тебе помочь, – неожиданно твердо произнес Майк через несколько минут и допил всю воду, протягивая уже пустую бутылку.

Пихнув ее в вещмешок, я непонимающе уставился на того и, сраженный таким заявлением, не моргая, несколько секунд глядел то в серьезные глаза, то на губы, то вновь в глаза.

– В чем?.. – поинтересовался я, особо не ожидая услышать ничего стоящего или по-настоящему полезного.

Майк колебался два-три мгновения, жевал губы, барабанил пальцами по коленке, бегал глазами.

– В твоих поисках, – не глядя на меня, открыто изрек он и, отвернувшись к костру, тут же дополнил: – В поисках дочки.

– Seriously?

– Да! – Майк мигом оживился, подсел ближе ко мне и, поворотившись оглядевшись по сторонам, будто бы помимо нас в грязной квартире находился кто-то еще, полушепотом продолжил: – Тебе к Скупщику надо! Он к востоку отсюда, в небольшом лагере под охраной! В основном скупает всякий хлам, неплохо платит за отrostки. У него можно и новеньким оружием обзавестись, и патронами, и едой. Но есть одно но: с нищербродами он дел не имеет. Поэтому, если хочешь к нему попасть, у тебя должно быть хоть что-то ценное, что его заинтересует.

– С этим не проблема, – отмахнулся и с жадностью впился в Майка глазами: – Лучше скажи: как он мне помочь сможет?..

– Через него информация разная проходит, – охотно пояснил Майк. – возможно, что-нибудь о твоей дочке знает. Не за красивые глазки, конечно...

Меня как будто кипятком облили, сердце застучало, в ушах – звон. Уже не слушая того, – наспех покидал пожитки в мешок, и собрался уже на выход, но крепкая рука Майка клешней сцепилась на левом плече:

– Ты куда так подорвался-то, Сид?

– К Скупщику твоему, – грубо ответил я, даже не обернувшись.

– Спят?! – усмехнулся Майк. – До него, блин, несколько часов пути!

– И?

– Да на улице уже смеркается! – выпалил тот и жестко, так, что мозги ударились о череп, потрянул: – Куда ты, на ночь глядя?!.. Сид?.. Ты больной, что ли?.. Ответь!

– Мне все равно, – холодно ответил я и, отдернув чужую руку, решительно зашагал к входной двери. – Если он что-то знает о Бетти, я должен идти к нему прямо сейчас.

– Так ее Бетти зовут?

Я проигнорировал.

– Послушай... да послушай же ты!.. – отстранив меня от засова, взволнованно зататорил Майк и с выкатившимися

глазами прижал к стене: – Сейчас никак нельзя! Нельзя! Понимаешь?.. Тени же выйдут на охоту... Ты что?!

– Плевать... – сквозь зубы процедил я и попытался оттолкнуть бородача, но тот лишь сильнее втиснул в холодный бетон, стоя на своем, как баран. – Пусти... – еще раз дернулся, еще – никак, – пусти, говорю. Ну! – Майк – мраморная глыба: недвижим, непробиваем. – По-хорошему говорю: пусти. Ну?..

– Ты уж прости, Сид, но не могу, – упрямо и жалобно, словно верный пес, молвил тот, заглядывая в глаза, в самую душу, – погибнешь ты, зазря погибнешь...

– Какое тебе дело до меня? – раздраженно рыкнул я и с озлоблением встрепенулся, но тщетно: рука Майка – каменная.

– Да от смерти тебя остерегаю, придурок! – взывал к разуму Майк.

– Себя предостереги, – огрызнулся я и – коленом по ребрам. Тот закричал, застонал и трудно осел на холодный бетонный пол.

Но открыть дверь опять не дали: уже стоя на коленях, Майк схватил меня за свитер и зарычал от боли и бессилия, призывая одуматься. Тогда я бросил кулак в бородатую скулу, ногой отпихнул к противоположной стене и – вновь за засов.

– Сид... – охая и держась за разбитую щеку, все не унимался Майк, – какого хрена ты творишь?.. Ты чертов само-

убийца?!..

Открыл дверь.

– Сид...

Переступил порог.

– Сумасшедший, ты ведь даже дорогу к нему не знаешь!

Остановился возле мертвых морфов.

– А я знаю короткий путь! – ревел и кряхтел в прихожей Майк.

На этот раз я обернулся и, несколько секунд посмотрев на него, растоптанного, растрепанного, побитого, стоящего на коленях, как нищий у церкви, сжалился и подошел, помогая подняться.

– Ну и чертяка ты! – сквозь смех промолвил он, почесывая волосатую щеку.

– Ты уж извини, Майк, – обратился я с извинениями, – но на будущее – руки лучше свои оставь при себе.

– Запомню... – морщась и поскуливая, протянул Майк. – Ну и удар у тебя... поставленный! Блин, как будто кирпичом по роже съездили...

– Извиняй.

– Да ладно уж... Мужики ведь, – улыбаясь, отмахнулся тот, – все в порядке.

– Ладно, – скрепив мир крепким мужским рукопожатием, сказал я. – Так ты как? Покажешь дорожку-то эту?

– Да покажу-покажу... – закивал Майк, – только собратья надо! – впопыхах, спотыкаясь, дряхло засеменял в ком-

нату и оттуда посоветовал: – Морфов пока обстриги – чего добру-то пропадать?

– Сделаем.

Вернувшись, Майк забрал с холодильника респиратор и, серьезно посмотрев на меня, вдруг произнес:

– До ночи не так уж много времени осталось, поэтому если не доберемся до Скупщика сегодня – будем искать ночлег, – достал из морозилки фильтр, прикрутил к маске, – ну а раз я твой проводник – слушаться тебе придется меня в любом случае: хочешь ты этого или нет. Это понятно?

– Понятнее некуда...

* * *

Столкнув с размокшей дороги несколько трухлявых, прогнивших автомобильных остовов, два ревущих БТРа на полном ходу влетели в раскисшее дурно пахнущее месиво и мигом взбаламутили, растревожили. Грязь из-под тяжелых мощных колес разлеталась в разные стороны, громкими шлепками ложилась на броню, налипала на фары, стекла прожекторов, пачкала мясистую растительность, ютившуюся возле мертвой техники. Рокот двух двигателей, работающих практически в унисон, потрясал нависшую над мерзким болотом тишину и вышибал громкую дрожь из лежащих на боку автобусов, грузовиков и тягачей. Однако эхо подолгу не хотело покидать мокрые утлые салоны и жутко гуде-

ло там, в темной глубине, словно боясь показаться на глаза бдительным людям, следящим за местностью с башен бронетранспортеров. Когда же оно все-таки вырывалось наружу, то первым делом проносилось, как ураган, над крышами затонувших автомобилей и оседало где-то в дремучем пропитанном мерзкой порослью лесу, расшевеливая тамошний ад. Уже через секунду кладбище техники и сами, до недавнего момента, спящие болота накрывало мерзкой трелью, пением, кваканьем и стрекотом, и все вокруг наполнялось неутраченным чувством тревоги и опасности...

Заслышав эту голосащую какофонию, Айс недовольно сморщился, плотнее натянул капюшон и хмуро усмехнулся, чуть тихо произнося:

– Расквакались, сволочи, – отогнал от лица приставучих комаров, засопел, – шумихи подняли-то сколько, теперь о нас каждая собака знает, – вздохнул, смотря то на крыши давно затонувших в вездесущей каше автомобилей, то на угрюмое свинцовое небо, то на скрюченные макушки деревьев, зараженных инопланетной заразой. – Как бы дождь не начался, а то, блин, будет нам охота...

Но дождь, несмотря на тяжелые, скомканные и пластилином слипшиеся меж собой тучи, не проливался и не спешил – томил, мучил человека, ждущего непогоды, и все никак не начинался. Зато вместо него время от времени шалил зыбкий наполненный моросью ветер. Он летал то над самой топью, отпугивая жаб и лягушек, то над дряблыми нездоровыми

выми ветвями, то над валежником, сгребая за собой и грязь, и полуистлевшие листья. Но всякий раз, когда начинал дуть со стороны леса, Айс кривился и даже прикладывался к респиратору, не в силах терпеть запахи тления и мертвечины. Потом все стихало, на бурлящую трясину опускалась злоедающая тишь, становилось жутко. Но ненадолго – уже в следующее мгновение здешние обитатели вновь выныривали из-под грязи, выплывали из затонувших салонов, коряг, упавших деревьев, мусора, слетались отовсюду и по-новому возобновляли свою болотную симфонию.

Сплюнув, Айс отбил о броню ботинки, стряхивая налипшую глину, внимательно оглядел понемногу темнеющие окрестности и с горячей тревогой у сердца посмотрел вперед рычащего БТРа, наблюдая вдалеке черное море, кишашее меж едва различимых деревьев. Он задержал на нем опасливый взгляд всего-то на минутку, но даже этого хватило, чтобы заметить силуэты, беснующиеся во мраке. Три, четыре, может, дюжина или десятки – все они, прикрытые этой темной вуалью, резвились там, в неприступной для человека тьме и инопланетных джунглях, именуемых Сумеречной Зоной, – местом, откуда не возвращаются. И сейчас, как-то меланхолически смотря в ее сторону, привыкший, казалось бы, уже ко всем ужасам и мерзостям вокруг Горизонта-26 и далеко за его пределами, Айс все-таки боялся и не на шутку – едва ли не физически, до костей. Но вида не подавал: лишь из-под капюшона предательски мерцали два стылых уголька

глаз, а сердце тихо-тихо трепетало в груди.

С прищуром посмотрев на кишашую черноту в последний раз, он отвернулся, склонил голову и ударился в свои хмурые, тяжелые раздумья, уже не обращая внимания ни на грязь и глину, вылетающую из-под БТРа, ни на сырость, ни на насекомых, ни на вонь, витающую повсюду. Мучила и не отпускала Айса и минувшая трагедия, что опять начала ныть где-то внутри, как забытая рана, и предстоящее рискованное задание, обещающее «золотые горы», и будущее всей базы. Он прекрасно понимал, что под постоянной осадой морфов Горизонту-26 нельзя простоять целую вечность – не выстоят ни стены, ни сами защитники, а сам же профессор только оттягивает неминуемое, прикрываясь мнимыми и подчас абсурдными задумками и проектами. Каждая из них, откровенно говоря, не стоила ни отданных за нее жизней, ни высоких надежд обитателей базы, все еще ждущих радостных вестей. Но таковых не было, зато были другие – темные и пугающие: «Рейд пропал без вести», «Экспедиция приостановлена», «Проект закрыт». Ничего другого пока и не слышали. Однако сам Эрик Гельдман веры в свои светлые помыслы не терял и вновь и вновь сокрушался над лабораторным столом в попытках найти единственное эффективное оружие в борьбе с инопланетными паразитами, пожирающими планету. Какая именно мысль посетила того на этот раз, Айс представлял себе достаточно смутно, но начало уже обещало быть нелегким...

«Зачем же тебе все-таки страж-то понадобился?.. Да еще и так срочно?..» – крутились в голове вопросы.

Айс в задумчивости усмехнулся, поднял глаза на небо и смежил их, словно желая отвлечься от всего этого мерзкого мира хотя бы на пару коротких мгновений, но внезапно зашипевшая рация нарушила хрупкий миг тишины:

– Айс – Марку!

Тот в один момент оживился, порывисто обернулся на второй БТР с пулеметчиком в башне, вдруг взявшим на прицел череду ветхих автомобильных кузовов, опутанных мясистыми побегами, и снял с пояса влажную от сырости рацию, выходя на связь:

– Слушаю! – зычно ответил он и волей-неволей завертел головой, пытаясь понять, откуда ждать беды. – Что стряслось?..

– Да расслабься ты, – веселым голосом успокоил Марк, – чего орешь-то, как потерпевший?

– Я думал срочное что-то... – облегченно выдохнул Айс, чувствуя, как холодок отступает от сердца, сменяется теплом. – А это ты развлекаешься...

В рации послышался смешок.

– Да нет... – ответил тот и сразу посерьезневшим голосом: – Я просто предупредить хотел: ночь уже не за горами – надо быть начеку.

– Скажи всем, чтобы прожекторы подготовили, – задумчиво попросил Айс и пробежался глазами по обезображен-

ным увязшим в грязи танкам, чьи черные пушки сплошь обтянулись кровавыми сочащимися выюнами с роящимися мухами. – Вся надежда только на них, Марк. Ты их, кстати, проверял?

– А как же? – знаяще выпалил Марк и добавил: – Еще на Горизонте все тщательно посмотрели, проверили, а где что хреново было – сразу заменили. Так что все по уму сделали, не переживай.

– Да я-то не переживаю, – бесцветно произнес Айс и, глянув на мрачный туман, до какого осталось всего ничего, вздохнул: – Я переживать начну, когда нас с тобой под погасшими прожекторами на тряпки рвать будут. И все потому, что КТО-ТО, как обычно, поленился их несколько раз глянуть перед выходом.

– Вот ты пристал-то! – недовольно буркнул Марк и, прикрикнув кому-то из экипажа, ехидно бросил: – Сам смотри!

Не успел Айс и головы повернуть, – несколько ярко-белых лучей мигом вспороли, как ножом, темную мглу, стелящуюся по болоту, отпугнули притаившихся болотных крыс, осветили мерзкие чумные кусты, жуткие деревья и... рассеялись, вновь сгущая тьму.

– Теперь веришь? – вновь затрещала рация.

– Верю-верю, – неохотно ответил Айс и, привстав, осторожно, ловя равновесие, подполз к пулеметной башне и решительно заявил: – Скоро уже на месте будем.

Договорив, – неторопливо вытащил из-за спины черный

боевой лук, крепко сжал, да так, что два острейших клинка в один момент выскочили из перчатки, словно кошачьи когти, и стал ждать, когда мгла, окутавшая болезненный лес, поближе подступит к бронетранспортерам, мчащимся навстречу, и проглотит всех.

И вот когда до нее оставалось уже совсем чуть-чуть, оба транспортера одновременно зажгли фары, готовясь столкнуться с бурлящей, как кипяток, темнотой, и Айс, задержав дыхание, живо надел респиратор и скомандовал всем по рации:

– Всем приготовиться! Входим в Сумеречную Зону!

– С богом! – прозвучал в ответ взволнованный голос Марка, а вместе с ним ту же фразу, но более хмуро подхватили и остальные Тенеборцы.

Заслышав это, Айс сдержанно улыбнулся, повесил рацию на пояс и, мысленно перекрестившись, едва слышно, словно молитву, произнес:

– Надеюсь, он нас там не оставит... – он молниеносно выхватил из колчана электрострелу и насадил на тетиву, – ...если ему, конечно, еще есть дело до детей своих...

В следующую секунду боевая техника, вся сплошь измазанная кровавым соком, каким-то вязким налетом, отдаленно напоминающим слюну, и дурно пахнущей болотной грязью столкнулась с черной пеленой и мигом, подобно кораблям в густой мгле, бесследно утонула в ней, исчезла. Тьма была настолько густой, что первое время сквозь нее не про-

бивался свет от фар и не слышался даже громогласный рокот двигателей, от какого прежде закладывало уши, – все как-то разом, сиюминутно смолкло, утихло. Будто бы в вакуум въехали, а кругом – бесконечный космос.

Нащупав холодный металл башни, Айс пару раз постучал пулеметчику и машинально попытался отогнать от себя жуткий туман, дервишем кружащийся перед глазами, но тщетно – мрак лишь сильнее сгущался, точно насмехаясь над человеком, тянул к нему болезнетворные языки. Отмахнувшись от них, как от назойливых moskitov, он с холодным ужасом, не видя перед собой ничего, кроме темноты, сильнее вцепился в башню и теперь уже громко, дряблым голосом, окликнул молчащего пулеметчика:

– Эй!.. – и еще пару раз постучался. – Живой там?.. Эу!..

Не дождавшись ответа, – левой ступней ощупал броню БТРа, пытаясь понять: едет он или стоит на месте – и уже хотел рискнуть и сделать шаг, но тут в одночасье вернулся слух, разом оглушило целым наплывом звуков, а технику страшно заштормило. Кое-как удержавшись на ногах и чудом не выронив лук, Айс попытался по-быстрому оглядеться, но успел увидеть только толстенные рубиновые пульсирующие лианы, опутавшие, словно питоны, толстые деревья и ядовитую пыльцу, кружащую вокруг, как вдруг что-то больно хлестнуло по лицу. Вскрикнув, он все-таки потерял равновесие, выронил лук и кубарем покатился назад по ходящему ходуном бронетранспортеру, испуганно хватаясь за любой выступ, но

пальцы не слушались, выскальзывали.

– Че-е-е-рт возьми-и-и-и... – успел Айс выдавить из себя и, словно напоследок, до ослепительных искр чиркнув клинками по обшивке транспортера, сорвался.

Кое-как сгруппировавшись, Айс больно ударился об тухлявый пенёк, сочащийся кроваво-серым гноем, ещё раз-другой прокатился по мокрому валежнику, содрав с головы капюшон и чуть не разбив респиратор, и в завершении шмякнулся грудью об раздутое от язв дерево и вышиб весь воздух из легких. Глухо тяжело откашлявшись, он застонал, сжал в кулаке расквашенную глину, с трудом встал на четвереньки и поспешил отползти прочь от серо-желтого пуха, начавшего развеиваться во все стороны. Весь грязный, в ветках, Айс вскоре уткнулся в огромный валун, перевернулся на спину и закричал, затуманенным взглядом смотря сквозь тонущие в хлопьях раздутые от исполинских язв деревья со свисающими мясистыми прядями лиан, где вдалеке углядел БТРы, вдруг включившие прожекторы.

– Я... здесь... – будто бы не им, а себе прохрипел Айс, но тут вспомнил про рацию, потянулся за ней – пусто. – Только не это... – в отчаянии долбанул крепким кулаком по холодной влажной земле, – как же я мог так...

Но не успел договорить, – застывшие в Сумеречной Зоне бронетранспортеры ожили, разразились пулеметными очередями, стуком гильз, шумом раций, свистом стрел и паническими выкриками, среди каких четко слышалось только

одно – «Морфы!»

С ужасом осознав, что промедление может оказаться фатальным, Айс резво вскочил и хотел уже прорываться сквозь отвратительные заросли к своим товарищам, как вдруг откуда-то сверху, с самих крон, услышал протяжный хрип, шелест, хруст веток, и в следующее мгновение прямо перед ним на землю прыгнул рослый морф-охотник. Тот инстинктивно отпрыгнул назад, но серо-черная высушенная до костей тварь с тремя парами глаз в один удар откинула того обратно на валун и прыгнула следом, растопырив двупалые лапы. Больно ударившись спиной об холодный камень, Айс откатился вправо, чтобы не дать себя обездвигить, но морф, будто бы ожидая этого, схватил расторопного человека, набросился верхом.

Айс вовремя крутанулся, выставил вперед руку, зажимая охотнику вытянутый рот с длинными багровыми жгутиками, и, жмурясь от льющегося с его крупной головы растительного сока, глухо прорычал:

– Уйди от меня, тварь...

Но морф лишь сильнее навалился на него, замотал головой, тихо захрипел, засиял всеми шестью серыми глазами и вдруг взмахнул лапой, распарывая тому нагрудный доспех. Закричав одновременно и от ужаса, и отвращения, Айс заерзал на месте, задергался, ослабил хват, позволяя охотнику беспрепятственно драть доспех, и вскоре замычал от жгучей боли в животе:

– М-м-м... м-м-а-а... – попытался стряхнуть с себя плотоядного морфа, но тот только недовольно поворчал поалевшим от крови ртом и продолжил терзать добычу.

Уже не чувствуя своего тела, весь внутренне помертвевший, одеревеневший, Айс из последних сил, как сумел, пяткой отпихнул охотника и отпятился, готовясь к следующему наскоку мерзкой твари. Но не успел и дух перевести, – морф яростно заворчал и в один прыжок оказался рядом, придавливая его голову к валуну.

– Ах ты, сука... – процедил Айс и, резко дернув голову вправо, двумя лезвиями полоснул охотника по серо-черной морде. – Сдохни!.. – и приготовился схватить морфа за змеящиеся кровавые отростки и проткнуть горло, но тут прозвучал короткий свист, и под громкое чавканье изо рта морфа, обмазанный черным, вылез четырехлезвийный серебристый наконечник стрелы.

Наспех вытерев грязную инопланетную кровь, Айс мигом отпрыгнул, и буквально в ту же секунду из наконечника в обе стороны выскочили острые шипы, распотрошили охотнику весь рот и навсегда оборвали жизнь. Посмотрев напоследок на обезображенную голову морфа со все еще извивающимися отростками, как у горгоны, он скривился, отвел глаза и тут увидел Марка, бесшумно выходящего из-за почерневшего дерева с уродливыми гнойниками. Он с головы до ног облит черной жижей, в доспехах застряли сучья, мох.

– Вовремя ты, – облегченно выдохнул Айс и, глядя в за-

крытое черным респиратором и капюшоном лицо напарника, сердечно поблагодарил: – Спасибо, Марк.

– Пожалуйста, – хрипло отозвался Марк и, кинув тому утерянный черный лук, заявил: – Больше не теряй! Я тебе не нянька, чтобы за тобой, как за маленьким, по всему лесу игрушки собирать, – вытащил из-за спины свой, насадил стрелу, – а теперь марш за мной – парням наша помощь позарез нужна, – и дальше, холодно: – Тени атакуют.

* * *

Когда мы с Майком покинули его обветшалое убежище, на мертвый город уже опустились холодные осенние сумерки, накрыли темным, безмолвным одеялом. Некогда серое небо теперь больше походило на растекшиеся чернила с редкими темно-синими проплешинами, а вечно угрюмые тучи как будто в разы потяжелели, совсем помрачнели и раздулись грязными мочалками, не в силах даже двинуться с места. Ветер с приходом темноты заметно окреп, осмелел и начал своевольничать, шебарша, шурша и гремя то в промозглых квартирах, то меж осыпавшихся этажей, то на чердаках, то в подъездах. А иногда внезапно менял направление и поднимался над улицей, забавляясь с гнилыми автомобильными кузовами и растительностью, облюбовавшей их.

Временами из пустых оконных проемов давным-давно заброшенных жилищ доносились какие-то щелчки, как будто

кто-то усердно вытаскивал камешки из стен, хруст и тихий звон, мигом разносящийся по всему Грултауну Те, кто хозайничали там, в потемках, быстро поднимали весь город на уши, тревожили спящих бродячих собак где-то во дворах. Они в ответ немедленно разрывались недовольным свирепым лаем, пугали всякую мелкую живность в округе. А потом в одной из обескровленных ободранных высоток внезапно раздавался жуткий до дрожи хрип и... все как-то разом, словно по команде, затихало, обрывалось. Лишь шальные сквозняки продолжали надрывно выть, ничего не страшась...

Я шел вслед за Майком по залитому водой и засыпанному строительным мусором широкому проходу и настороженно поглядывал на громадные дыры в стенах, местами разрисованных хулиганскими граффити и матерными надписями. Вот только как ни старался ничего толком разглядеть не сумел – разве что нагромождения досок, обломки потолков да старую обомшелую мебель. И всякий раз, когда проходил мимо и принюхивался, оттуда нестерпимо веяло разложением и спертостью, словно чей-то труп пролежал там уже неделю, а закуской для морфов так и не стало. Даже из любопытства решил заглянуть в одну из таких дыр, но едва просунул голову внутрь, – в лицо, будто кирпичом, ударило нестерпимым смрадом, а по капюшону заколошматили тяжелые капли.

– Вот, блин... – недовольно протянул я и живо принялся

отряхивать капюшон от душистой дождевой воды, каким-то чудом успевшей намочить правую щеку и подбородок. – Заглянул, называется...

– Эй, Сид! – запоздало поняв, что меня нет рядом, негромко, словно боясь кого-то спугнуть, окликнул Майк и тут же спросил: – Ты чего там делаешь?..

– Да... – махнул я, – ничего. Засмотрелся просто.

– Не трать попусту время – там все равно ничего нет! – поторапливая, пояснил напарник и, переложив ружье в левую руку, поманил: – Давай скорее! Времени у нас уже не так много!

Я ничего ему не ответил, а лишь поправил капюшон и принялся нагонять Майка. К тому моменту он осторожно прошелся по трухлявому столбу, минуя глубокую затопленную яму, и вскоре исчез за обрушенным балконом, заросшим толстым мясистым выюном. Но едва раскисшего от вечной сырости дерева коснулась моя нога, – оно мигом захрустело, затряслось и глухо заскрипело, не предвещая ничего хорошего.

– Не провалиться бы, – тихонько нашептал себе, осмоторительно ступая по столбу, вот-вот готовившемуся бултыхнуться в темную затопленную пропасть, – а то уже хрен всплывешь тогда...

Наконец когда проклятая яма осталась позади, я перешел на быстрый шаг, подозрительно косясь то на один облезлый оконный проем, то на другой, словно ожидая кого-то встре-

тить в них, на всякий случай снял с ноги заряженный арбалет, секунду поколебался и все-таки нырнул за балкон. Несколько секунд поискав глазами Майка, – невольно взглянул вдаль и увидел тонущие во мраке огрызки высоких и малых домов, на чьи дряблые камни уже положили глаз гигантские усыпанные хлопьями лианы. Они лезли наружу буквально из каждой расщелины в стенах, уродливыми хоботами свисали с окон, водостоков, пробивались даже откуда-то из-под фундамента – словом, виднелись всюду. Под их тяжестью время от времени звучно крошился бетон, где-то во тьме квартир осыпались потолки, протяжно стонал старый металл. Однако этот эфемерный шум кружил над домами недолго – уже через несколько мгновений в глухих жилищах начали раздаваться растревоженные ворчания, хрипы, топание, и темь, окутавшая все без исключения сооружения, расшевеливалась, ожила. Становилось беспокойно.

Своего же проводника сумел обнаружить лишь через несколько минут – хорошо затаился. Тот с оружием наготове засел в луже возле груды металлических ограждений и кирпичей и то и дело выглядывал, будто наблюдая за кем-то.

– Майк?.. – почувствовав что-то неладное, едва слышно позвал я и, крадучись, направился к нему, готовый стрелять в любого, кто попадется на глаза. – Ты чего...

– Тихо!.. – оборвал на полуслове Майк и, вновь скрывшись за ограждениями, посмотрел на меня каким-то полубезумным взглядом и слегка дрожащим голосом произнес: –

Мы не одни, Сид...

Промолчав, я перешагнул через лужу, слушая какое-то чавканье, отпихнул Майку, присел рядом.

– Ну-ка, – крепче сжав рукоять арбалета, промолвил я и, собравшись духом, осторожно высунулся, тотчас становясь свидетелем кровавой трапезы морфа-охотника, обгладывающего дохлую тушу собаки возле детской коляски. – Господи...

– Пока он там, во двор нам не попасть, – пояснил Майк и на корточках подполз ко мне, – не успеем.

– Ну, тогда валить его по-тихому надо, – не глядя на того, высказался я и поймал на мушку мерзкую голову морфа, измазанную собачьей кровью, – и всего делов...

Напарник почему-то промолчал, не стал спорить.

И вот когда палец уже лег на спусковой крючок, из недр двора, утонувшего в темноте, вдруг вырвался громогласный хрип, да такой силы, что моя душа живо ушла в пятки, а охотник, позабыв о недоеденной мертвечине, стремглав умчался прочь. А следом прогремел второй, третий, шестой и... перепуганные морфы, повывлезавшие кто откуда, за несколько секунд породили живую черно-серую реку, как цунами пронеслись мимо нас. Одни спрыгивали с верхних этажей, другие – шмякались прямо на наше укрытие, с невероятной быстротой убегали вслед за более проворными морфами, а третьи мчались куда-то в сторону строений, заросших лианами, будто бы надеясь отыскать там спасение от по-

рождений ночи.

– Это нас шанс! – выйдя из оцепенения, воскликнул Майк и, вскочив, хлопнул меня по плечу: – Бегом! Бегом!

– Куда теперь? – проводив ошеломленным взглядом два высушенных длиннопалых силуэта, перепрыгнувших через едва различимые очертания детских качелей, спросил я, пока оставаясь на месте.

– Нам через двор надо, – сразу выдал ответ спутник и ткнул стволом ружья в сторону неприметных с виду руин, расположенных левее домов, опутанных язвенными лианами, – там заночуем, а утром, чуть свет, спокойно двинем к Скупщику, – внимательно посмотрел на меня, – респиратор-то есть у тебя?

– А как же? – хмыкнул я, разглядывая окрестности, почти полностью исчезнувшие во мраке. – Конечно, есть, и нехилый.

– Отлично, – кивнул Майк, – ты уж прости: лучше я сейчас у тебя это спрошу, чем потом...

Я промолчал.

Напоследок осмотревшись и больше не обнаружив ни единого морфа, проводник жестом поманил и спринтером сорвался с места, устремляясь вверх по едва различимой дорожке. Я последовал примеру, и уже через несколько секунд дружно бежали в сторону черных руин сквозь двор, наполненный жуткими хрипами, гремящими откуда-то справа. Отродья, что выдавливали этот дребезг из луженых глоток,

на охоту выходить пока не собирались, а продолжали сотрясать оглушительным рупором ближайшие пустые дома, словно демонстрируя всем свое неоспоримое господство.

– Демоны чертовы... – негромко выругался Майк, заслышав очередной голосистый хрип, хлестнувший, как плеткой, по ушам. – Охотиться надумали. Собираются, кличут друг друга...

– Да было бы на кого, – возразил я и, обежав смятую забрызганную кровью легковушку с истерзанным трупом, сидящим у радиаторной решетки, перевел дух и нейтральным тоном пояснил: – Охотники с нюхачами, думаю, уже всех переловили в городе. Мы одни остались.

Майк на это как-то тяжело вздохнул, ничего не ответил.

К тому времени уже совсем стемнело, и все то, что еще недавно хоть сколько-нибудь удавалось разглядеть, теперь безнадежно растворилось в зябкой осенней ночи. С ее приходом все вокруг как-то незаметно переменилось, наполнилось опасностью, подстерегающей чуть ли не за каждым столбом, и раскатистыми хрипами, раздающимися теперь уже отовсюду.

– Давай-ка сбавим темп и тихонечко, тихонечко!... – почти неслышно посоветовал Майк. Он, как призрак, то и дело выныривал из темноты, показываясь частично, и пропадал обратно. – Хорошо?..

– Хорошо, – так же тихо откликнулся я, слушая то шелест опавшей листвы где-то вдалеке, то скрип качелей, от какого

замирало сердце, то плеск в лужах.

Майк вел нас крайне осторожно: грамотно подбирал обходные пути, заставлял подолгу высиживать то за заброшенными припаркованными машинами, то за рухнувшими фонарными столбами, то за пустыми помойками, где крысы уже давным-давно навели «порядок», опустошив все то, что можно было сгрызть. Порой протяжные разноголосые хрипы громыхали где-то совсем неподалеку, и тогда мы с Майком вынуждено прятались за какой-нибудь кучей мусора или в мясистых кустах, подолгу выжидая, когда же эти твари уйдут. Но те уходили не сразу, а продолжали настойчиво лазить среди обломков, шуршать камнями, сопеть, как-то даже забавно ворчать, приняхиваться и чем-то елозить по мокрой дороге, изрядно щекоча нам нервишки. А иногда и вовсе затевали какой-то дебош во тьме, словно деля найденную добычу, громыхали металлом и распалялись воинствующими хрипами, от каких меня бросало то в жар, то в холод. Звуки невидимой борьбы за считанные секунды разлетались по ночному Грултауну, бесцеремонно залетали в каждый дом, но больше никого не тревожили – город спал черным сном, терпел всю эту вакханалию, творящуюся во дворах и улицах, и молчаливо дожидался рассвета. И день за днем так.

– Чего они там делают-то?.. – не выдержав томительного молчания, спросил я, а сам осторожно раздвинул корявый склизкий куст и высунулся, видя лишь темноту с редко-редко мелькающими силуэтами. – Блин, не видно ни хрена.

– Может, падаль какую-нибудь нашли?.. – предположил Майк и тоже рискнул посмотреть, что там происходит. – Даже не...

И, словно в подтверждение его слов, вблизи раздался глухой хрип, громко затрещала по швам чья-то изношенная одежда, и в следующую секунду до нас донесся смачный хруст ломающихся костей, хрящей, сопровождающийся смакующим ворчанием.

– Вот и до тебя добрались... – с неподдельным сочувствием вымолвил я, уже имея представление о том, кого только что употребили в пищу – разодранного трупа, покоящегося у машины. – Спи спокойно... – перекрестился, – теперь уж отмучился.

– О ком это ты?.. – не понял сразу Майк, но потом вроде как догадался и угрюмо протянул, вздохнув: – В этом проклятом городе умирать просто-напросто нельзя, – опустил ружье и фатальным голосом продолжил: – Сожрут, сволочи, и даже не побрезгуют.

– Чем им покойники так приглянулись?.. – с внутренним холодом спросил я и сам же дал ответ: – Лакомство это, что ли, для них какое? – пристально посмотрел в мерцающие глаза своего бородатого проводника. Тот под напором вопросов явно замешкался, взгляд сделался быстрым, боязливым. – Представляешь, что тогда творится на кладбищах?..

Майк, словно ни разу в жизни не задумываясь над этим, взметнул бровями, как черную вату подкинул, побелел весь

прямо на глазах и смог выдавить только два слова:

– Бог мой...

– Вот-вот... – согласился с ним и повернул голову направо, прислушиваясь к жуткому ворчанию, сопровождающемуся треском рвущейся, точно бумага, плоти, – давай-ка двигать отсюда, пока самих нас не...

Но не успел и фразы договорить, – буквально в трех шагах из темноты вынырнула огромная курящаяся сполохами черного дыма длиннопая тварь, лишь отдаленно напоминающая морфа, разинула бездонную пасть, издав чудовищный хрип, и прыгнула на меня. Машинально отскочив назад, я выпустил дротик прямо ей в глотку, но вдруг споткнулся и кувырком покатился назад, уже не видя того, что происходило дальше. Пересчитав головой едва ли не каждый камень, – больно шлепнулся животом об холодную землю и, скуля от боли, смахнул с лица мокрую грязь и принялся перезаряжать арбалет с наклеившимися листьями. Но едва поднялся на ноги и уже хотел предупредить Майка, оставшегося там, в мясистых кустах, о смертельной опасности, – грянул мощный хлопок ружья, послышался недовольный хрип, и напарник изо всех сил проорал:

– Сид!!! Уходим!!!

А ад разверзся...

Двор мигом заполонили отравительные ворчания, разъяренные хрипы, отовсюду стали слышаться мощные удары по металлу, хруст ветвей, вновь хрипы, и по затянутой, слов-

но черной вуалью, дороге зашуршали десятки, а может – сотни лап.

Рванув по лужам вдоль высокого сетчатого забора, за которым находилась спортивная площадка, сплошь заросшая болезненными кустарниками и высокой травой, я обернулся и увидел мчащегося вслед за мной Майка в исполосованной куртке и нескольких Теней, сидящих у него на хвосте. Не медля ни секунды, я быстро прицелился в наиболее быструю из них, но выстрелить не получилось – компаньон на бегу рванул за шкуру и, задышливо, плюясь сухими слюнями, обреченно проговорил:

– Береги дротики... этим Теней не убить...

Пропустив мимо ушей его предупреждение, я все-таки вырвался из крепких ручищ, спустил курок в заостренную безглазую дымящуюся морду Тени и буквально оторопел от ужаса: на моих глазах метко выпущенный дротик просто взял и увяз в темной коже.

– Скорее же!!.. – силком дернув на себя, истерично прокричал на ухо Майк, хоть как-то пытаюсь привести меня в чувства. – Скорее же, Сид... Ты чего?!..

Но я уже не слышал его...

Ночью стоял свирепый мороз. Вьюга жужжала меж: здоровенных трещин в потолке, норовила протиснуться сквозь затыканные бумагой и тряпками дырки в стенах и всеми силами пыталась забраться в единственное пригод-

ное для ночлега жилище десятиэтажного дома, чтобы навсегда потушить и без того совсем уже чахлый костерчик, старательно разводимый целый час. Для него не щадил ни драгоценной мебели, ни бумаги, ни паркета, ни всего того, что могло гореть, — все приносилось в жертву в надежде на скудный обогрев и спасение от страшной смерти.

Я плотнее завернулся в пуховую зимнюю куртку, накинул еще одну, но женскую и на порядок меньшую по размеру, по-прежнему не чувствуя конечностей, и подкинул в ослабевший огонь две толстые паркетные щепки, с острым ожиданием чуда наблюдая за тем, как тянутся к ним тоненькие тускло-рыжие язычки.

— Ну же, — взмолился я. Огонек будто бы присматривался к новой пище, нехотя облизывал холодные деревяшки, оттягивал удовольствие. — Не гасни. Пожалуйста...

Но уже через мгновение некогда крохотный костерок вдруг зверем набрасывался на щепки, успевшие немного подтаять, и вмиг крепчал, бросая в лицо драгоценное тепло. Порадовавшись вновь ожившему пламени, я отпил из горла немецкого вишневого ликера, впуская внутрь согревающую реку, и сильнее укутался в зимние вещи, непроизвольно поглядывая на покрытые инеем стены с ползующими вдоль тенями от дыма. В самой же квартире, какую по непонятной причине обошли стороной мародеры, уже мало что осталось — все сжег. Ни столов, ни стульев, ни табуреток, ни шкафов, ни полок-ничего этого уже не было, только остат-

ки, ждущие своей очереди на растопку. Даже шкаф, где нашел теплую одежду, манеж: с распашонками в детской и столик на кухне с кипой пожелтевших газет не стали исключением. На пользу дела шло все подряд, никаких личных счетов. Лишь бы выжить, не замерзнуть в этом ледяном гробу...

— Когда же уже закончится эта проклятая ночь?.. — вздохнул я и, потыкав палкой угли, взглянул на окно, плотно закрытое деревянной доской. Щели в нем забивал старательно, не жалея ни гвоздей, ни окоченевших пальцев. — Какже надоела, сил нет...

Ночь на это ответила ревом метели, изредка заметающей снег сквозь пробоины в нагой стене.

Отхлебнув немеющими губами еще ликера, я встрепенулся от приятного тепла в желудке, вытянул окоченевшие руки к огню, разыгравшемуся уже не на шутку, и блаженно зажмурился, ощущая приятное покалывание в пальцах.

— Хорошо... — млея от удовольствия, протянул я и, хорошенько растерев ладони, вытащил свою реликвию — фотографию дочери, ласково провел согревшимся пальцем по ее лицу, улыбнулся и закусил губу, — какая же ты красивая у меня, принцесса... — сердце вдруг защемило, — радость моя и надежда...

Опустил голову, замолчал.

— Ничего-ничего... — тихо-тихо проговаривал себе под нос, — ничего... чуточку еще потерпеть... Чуточку еще и все.

Морозы скоро закончатся, и я отправлюсь искать тебя, доченька моя. А там уже весна... и мы...

Всего на секунду пробившийся через выюжные завывания грохот с лестничной клетки обдал меня жаром и лишил дара речи, так и не дав закончить. По спине заструился пот, глотку сдавило от ужаса. Быстро убрав фотографию, – осторожно схватил горячей ладонью рукоять арбалета, зарядил, не сводя глаз с входной двери, и на цыпочках по-воровски – в коридор.

«Неужели нашли?.. – лихорадочно текли мысли. – Да в такой-то мороз?!»

На корточках прокрался вдоль серых стен, стараясь не скрипеть промерзшим паркетом, и притаился в двух шагах от входной двери, обтянутой черной кожей. Сердце било в грудь, словно барабан, на лбу проступила испарина. И это – в лютую холодину, поселившись в брошенной квартире...

С той стороны еще некоторое время продолжал слышаться какой-то шум, время от времени утопающий во выюге, а через два-три мгновения вдруг совсем затих, сменился зловещей тишиной.

– Может, от ветра перила громыхают?.. – осмелился предположить, внимательно вслушиваясь в любой звук, исходящий снаружи, но все, что слышал – жуткое эхо страшной метели, неистовствующей на улице. – Не пойму никак...

Еще немного посидел возле двери, мучаясь догадками, и

вдруг решился на неоправданный риск: взглянуть через дверной глазок.

— Хм... — промычал и напряг зрение, всматриваясь в площадку, засыпанную редкими снежными хлопьями, тяжелыми бетонными обломками, перекладинами, арматурами. — Что-то нет никого...

Постояв так несколько секунд и не заметив ничего подозрительного, — уже и вправду хотел все списывать на беснующуюся метель, как вдруг загадочный утробный грохот повторился и тотчас дополнился протяжным хрипом, мигом пронесшимся по всем этажам.

— Дела плохи... — успел заметить я, прежде чем хрип повторился, и к нему присоединилось еще не меньше десятка. — Надо дверь подпирать, пока не поздно...

И хотел было отбежать, но в самый последний момент заметил дюжину скрюченных Теней с неправдоподобно длинными конечностями, объятых едким дымом, и обомлел, излишне долго задержав на одной испуганно-изучающий взгляд.

Почувяв близости человека, Тень плотоядно раскрыла черную пасть, а вместе с ней и все остальные, опустила морду к заснеженному полу и вдруг свирепо кинулась на дверь.

— Бетти... — как-то виновато протянул я и пулей отскочил назад, с ужасом смотря на дверь, сотрясающуюся от множества сильных ударов. А за ней — яростные голодные

хрипы, гогот и ворчания, перекрывающие даже жестокую метель.

Ударивший справа ослепительный свет моментом привел меня в чувства и обжог морды сразу несколькими Теням, сгрудившимся вокруг, вырывая из черных глоток уже не хрип или ворчание, а самый настоящий рев боли. В ужасе завертев головой, я отпятился, но сразу наткнулся на что-то твердое и обернулся, видя рядом с собой Майка, вооруженного небольшим фонарем. Глаза как-то нехорошо светились, скулы дрожали.

– Дурак... – не глядя, словно меня и вовсе не было рядом, укоризненно бросил он, секанул ярким лучом по темноте и жестоко опалил тела трем Теням, пытающимся подкрасться сбоку. – Какой же ты дурак, Сид... – до хруста сжал кулак, будто собрался бить по лицу, – такими выходками ты нас всех в могилу утянешь...

– Я... – проямлил я, наблюдая сцену сожжения ночных демонов, – в общем...

Тот лишь фыркнул в ответ, напоследок осветил фонарем клубящуюся темноту, скинул ружье, положил ладонь мне на плечо и завел за себя, тихо, но уже без злобы в голосе проговаривая:

– Уходим уже отсюда, Сид, уходим...

И побежали со всех ног. Нет, понеслись конями.

Одновременно и разгневанные, и напуганные такой дер-

зостью, Тени немедленно бросились в погоню, но Майк вовремя оборачивался, жестоко обжигал их дымящиеся тела и обращал в позорное бегство, понуждая отступать обратно в холодную темноту. Мы же с Майком мчались то сквозь колючие кусты и мясистую поросль, то скатывались с небольших оврагов, то перепрыгивали через машины и скутеры, то пролезали под упавшими столбами и уродливыми деревьями.

Тени шли по пятам, без труда проходили там, где нам требовалась сноровка, стремительно разрывали дистанцию. Но всякий раз, когда им оставалось всего-навсего схватить кого-нибудь из нас и утащить во мрак, преградой выступал нестерпимо яркий свет, даже мне режущий глаза. Вот только уповать на него при каждом удобном случае оказалось верхом глупости: луч постепенно тускнел, терял мощь.

– Батарейка садится, – тяжело дыша, сообщил Майк и продолжил: – Посадим фонарь – считай, отбегаешь: до руин-то еще надо как-то добежать...

– Добежим, – решительно изрек я и ловко поднырнул под толстой когтистой ветвью, покрытой какой-то коркой, – никуда не денемся, – пробежался по лужам и, заметив сидящую на крыше мусоровоза темную тварь, – напарнику: – Фонарь кинь!

Поймав его, – мигом перевел белый конус на Тень, чтобы не дать напасть скрытно, обжог брюхо, оставляя жуткую и, как мне кажется, уже незаживающую рану. Та издала чу-

довищенный болезненный хрип, задрожала на месте, отбрасывая, словно чешую, обугленную кожу, и свалилась в лужу, жалобно ворча и закрываясь лапами.

– Хорошо, что вовремя заметил, – без намека на иронию, подметил я и вернул обратно, – а то был бы нам сюрприз...

На это замечание Майк промолчал, только забубнил чего-то под нос.

Несмотря на суровый отпор, твари отпускать свою добычу не спешили, но больше не лезли на рожон – осторожничали, скрывались за бетонными плитами, в кущах, за помойками. Держали и дистанцию: передвигались где-то в глуши, под прикрытием высокой травы и ночи, не желая становиться жертвами беспощадного света. А вот мы с Майком этим охотно пользовались и, как заправские марафонцы, неслись в сторону уже различных вдалеке руин здания, лишённого крыши и верхних этажей.

– Поднажмем! – воодушевленно проговорил Майк и, вновь кинув мне фонарь, выстрелил в Тень, выглянувшую меж ветхих заборных досок, разнося в щепки. – Чуть-чуть уже!! Чуть-чуть!..

Поджарив тварь, запрыгнувшую на промятый скрипучий капот гнилого автомобиля, что тотчас умчалась в обросший огромными лианами подъезд, я ринулся догонять Майка, бегущего не жалея сил к заветному убежищу, и отогнал от него двух Теней, вылетевших наперерез из непроходимых кустов. Получив ужасные ожоги, те истошно, как-то сипло захрипе-

ли и поспешно нырнули обратно, оставляя после себя лишь гибельный шлейф дыма.

– Спасибо... – напуганным голосом поблагодарил Майк и, переведя дух, резко повернул направо, обегая огромный тягач со смятой до неузнаваемости кабиной, из чьего разбитого лобового стекла тянулись тоненькие стебельки, облепленные язвами.

Проводив его настороженным взглядом, я поправил капюшон, огляделся, к своему удивлению не увидев пока ни одной твари, посмотрел на выстроившиеся по правую руку безоконные дома, захваченные лианами, и устремился следом, слушая лишь вой ветра, взлохмачивающего опавшую листву. Но едва успел поравняться шагом с Майком, – притаившаяся где-то вблизи нечисть вновь заявила о себе, бешено захрипела, заревела. Непродолжительное затишье во дворе опять сменилось свирепой какофонией, оглушительным эхом, и в незнающем покоя городе опять началась какая-то возня, движение...

Мы все бежали и бежали по замусоренной мокрой дороге, всеми правдами и неправдами спеша как можно скорее добраться до заветного убежища. Теперь его хотя бы можно было отчетливо разглядеть: почерневшие от сырости балконы, покрытые ветвистыми трещинами стены, замшелые оконные рамы. Однако, несмотря на всю его убогость, хрупкость и внешнюю ненадежность, – это, так или иначе, единственное здание, не ставшее приютом ни для инопланетных

лиан, ни для прочей тошнотворной заразы. Одно лишь смущало и тревожило – гонимый ветром опасный пух, в огромном количестве выметающийся из квартир соседних домов.

– Майк, свой надевай-ка намордник! – немедленно предупредил я, а сам скинул вещмешок и вытащил родненький противогаз. – Метет-то как там...

– Ветер, сволочь, расшевелил... – просипел тот и, оглядевшись вокруг, достал из рюкзака респиратор, бросил взволнованный взгляд на сероватую метель, неторопливо плывущую к примеченному убежищу, и с какой-то надеждой протянул: – Хоть дождь бы, что ль, пролил... все получше было бы...

Я хмыкнул в ответ, натянул М2000, накрылся капюшоном, машинально обернулся, видя расплывчатые абрисы Теней, рыскающих в кустах неподалеку, и заторопился к утонувшим в хлопьях руинам. А через мгновение меня нагнал Майк, подсвечивающий ослабевшим фонарем дорогу, пробурчал что-то вроде «Неужели добрались?» – и с легкостью подростка взял старт к частично осыпавшейся боковой кирпичной стене, а сразу за ней, впотьмах, – первый этаж с обрушившимся потолком, устеленный булыжниками. Но едва нам в лицо дунули первые хлопья пуха, и мы уже хотели врываться внутрь, – позади вдруг прозвучали свирепые хрипы, и из темноты, скрывающей все вокруг, выпалась целая когорта Теней.

Но не успел я и слова вымолвить, – Майк в порванной

куртке тотчас ударил по ним лучом бледного света и зычно огрызнулся через респиратор, плотно закрывающий лицо:

– Как вам, а?!..

Вертя головой из стороны в сторону, я изумленно следил за юрким лучиком, заживо испепеляющим мерзких тварей, как соломучу, невзирая на свою, казалось бы, безобидность, и даже поймал себя на мысли, что теперь им уж точно некуда деваться, но тот вдруг несколько раз моргнул и... потух.

Меня моментом обдало холодом, словно кто-то вылил мне на голову целое ведро студеной воды.

– Свалился же ты мне на голову, Сид... – вполголоса обреченно промолвил Майк, и я с бьющимся в испуге сердцем обернулся, видя того стоящим, как монолит, с вытянутой ходящей ходуном рукой. Фонарь жутко колыхался, выскальзывал из ладони. – Теперь последний шанс загубили – батарейки сдохли...

На это я ничего не ответил, а лишь безучастно посмотрел на крадущихся отовсюду проворных тварей, обьятых дымом, чье большинство уже сидело на мятых машинах и бетонном заборе вблизи, схватил Майку за рукав и, увлекая в плену пуха, во все горло прокричал:

– В здание!! Сейчас же!!

III

Скользнув по изуродованным многочисленными язвами и опухолями больным деревьям, ослепительные лучи прожекторов без труда рассекли, как ножом, сумрак и опалили Теней, готовящихся броситься в атаку на БТРы, в секунду превращая в сморщенные обугленные комки мяса. Вездесущая темнота, наполненная кисловатым запахом перегноя и сырости, мигом насытилась чадающим смрадом жженой плоти и гари, разносящимся едва ли не по всей Сумеречной Зоне. Но не успел он чуть притупиться, впитаться в мокрую от капающего с крон сока землю, кору или доспехи, – свистели стрелы, и тот дополнялся другим, не менее стойким запахом – кровью. На сей раз жертвой стала свора морфов-загонщиков. Те дождались удобного момента, когда Тени в испуге скроются где-то в глубине леса, и втихоря сбросились на обороняющихся людей с самых высоких ветвей, но недооценили мощь человеческого оружия и все истыканные стрелами камнями попадали наземь. От падения тел глухо гудела бронетехника, хрустел валежник, содрогалась земля.

Дождавшись, когда дождь из мертвых прекратится, Айс осторожно отошел от перепачканного грязью колеса, осмотрелся, насчитывая несколько инопланетных трупов с разможенными головами, постоял так секунду-другую и, приготовив новенькую стрелу, удовлетворенно, но с маленькой уко-

ризной отметил:

– Неплохо-неплохо... – расслабленно вздохнул, помотал головой, – но можно было и лучше...

Решив, что будет не лишним пополнить боезапас, он мысом перевернул первого истерзанного загонщика с тремя стрелами в шее и безо всякой брезгливости повыдергивал одну за другой.

– Порядок, – промолвил Айс и сложил обратно в колчан, разглядывая следующий труп, – ну-ка теперь ты...

Но едва двинулся к нему, – справа прошуршала сырая трава, и через мгновение его окликнул звонкий юношеский голос:

– Старший сержант Эванс!

Айс обернулся и увидел перед собой Чака – самого молодого из своих бойцов. Тот, светлоглазый, остроносый, с зачесанными назад серыми волосами, со снятым респиратором и без капюшона, явно волновался, нетерпеливо поплясывал на месте.

– Слушаю, – ответил и волей-неволей огляделся, видя разбредшихся поблизости Тенеборцев. Они охотно пользовались временной передышкой, занимались кто чем: одни возились с прожекторами, другие обыскивали загонщиков, третьи просто стояли в сторонке, что-то бурно обсуждали, жестикулировали.

– Мы провели разведку окрестностей... – начал рапортовать Чак слегка трясущимся голосом, – Теней и морфов об-

наружено не было! Все чисто! – Смолчал, словно ожидая выговора, и вдруг заглянул в глаза Айсу и с невероятным энтузиазмом спросил, вкладывая в слова чуть ли не всю душу: – Какие будут дальнейшие приказы, старший сержант Эванс?

Айс с минуту молчал, разглядывая лучистого юношу с огоньком во взгляде, всегда и со всей ответственностью берущегося за самые трудные поручения, что порой бывают не по силам даже бывалым бойцам, и хотел сначала сделать строгий выговор за снятый респиратор, но вдруг передумал и ответил тепло:

– Никаких, – и по-отечески заботливо похлопал мальчишку по плечу, – передохни-ка пока, силы побереги – они тебе и всем нам еще понадобятся.

Чак кивнул, улыбнулся и собрался уже идти, но Айс придержал за руку:

– А респиратор все-таки надень – пух летает кругом.

Прислушавшись к совету, тот послушно надел маску, болтающуюся на шее, скрыл голову капюшоном и зашмыгал по булькающей грязи к остальным Тенеборцам, надеясь отыскать себе занятие.

«Золотой парень, – с чувством гордости отметил Айс, все еще смотря ему вслед, – эх, побольше бы таких».

Залюбовавшись своим фаворитом, напросившимся кому-то в сварщики, он не услышал, как позади едва слышно щелкнула ветка, и запоздало натянул лук, ожидая нападения. Порывисто обернувшись и еще не отойдя от испуга,

Айс чуть не выстрелил в Марка, решившего просто не шуметь, а подойти, как обычно, тихо, призраком.

– Ш-ш-ш!.. – отточенным и по-змеиному быстрым движением руки отведя лук в сторону, прошипел Марк и, дождавшись, когда друг опомнится, заговорил шутливо: – Нервы шалят, что ли? Так ты хлебни чего-нибудь для души!

– Извини, дружище... – виновато изрек Айс и, убрав стрелу чуть не окропившуюся кровью друга, опустил лук и спокойным ровным голосом добавил: – Что-то никак в себя не приду: как тварь эту вспомню, так все...

– Выпить тебе точно не помешает, – понимающе посоветовал тот и, недолго соображая, достал из-под доспехов небольшую узенькую фляжку, открыл и протянул Айсу: – На-ка, выпей, – и настоял: – Пей-пей!

Крякнув, Айс все-таки согласился, стащил респиратор и отпил два-три глотка.

– О-у-о... – выдал задушевно он и вернул фляжку, – кажется, отпускать начинает...

– Еще бы! Эта штука всегда поможет – лекарство же! – знающе вставил Марк. – Самый раз от нервов. На фронте-то без него не обходились, а уж сейчас...

Айс облизнул губы, промолчал, потемнел лицом.

– Ну как ты? – кивнув на повсеместно располосованный серебристо-черный нагрудник с разводами запекшейся крови, осторожно спросил Марк. – Укол действует? Может, еще перебинтовать?

– Да так нормально, – поморщившись, отмахнулся Айс, – на мне как на собаке все... сам знаешь...

– Ага, – подхватил тот, – только помнится, как тебя в Черной Пустоши осколком гранаты зацепило, так ты в лазарете полгода провалялся под капельницей.

– Да вспомнил тоже! Когда это было-то?.. – насупился Айс.

– Когда-когда... – сам задумался Марк, вспоминая тот день, а затем выдал: – Так вон, в позапрошлом!

– Забудь, – обиделся тот, – что было, то было...

– Да ладно, чего ты? Я же не смеюсь. Кто ж мог знать, что на засаду нарвемся...

Помолчали. Оба в глухих раздумьях глядели куда-то под ноги.

Больше ничего не сказав и не спросив, Айс развернулся и задумчиво посмотрел на Чака, принимающего сварочный аппарат.

– Ученика себе нашел? – осмелился спросить Марк, перехватывая взгляд пристальный напарника.

– С чего ты так решил?

– А кто его по ночам стрельбе из боевого лука обучает, когда все спят? – хитро подметил тот, вспоминая, как часами следил за ними, притаившись в кустах, возле сетчатого забора стрельбища. – Кто рапорт самому Гельдману писал, чтобы его перевели в наш отряд? – выдохнул, словно выиграл в жарком споре. – То-то! Я все вижу, брат. Ты не думай,

что один такой хитрый выискался!

Айс усмехнулся, улыбнулся глазами.

– Не знаю, как сказать... – пожал плечами он и, не сводя глаз с парнишки, хмуро вздохнул: – Запал он мне в душу, Марк. Запал и – все. Как к сыну прикипел, понимаешь?..

Марк помолчал и ответил через минуту:

– Вообще, парень – камень: добровольцем в Сумеречную Зону – это, конечно, круто. Есть тебе, чем гордиться, Айс, – помолчал и вдруг подумал вслух: – Эх, а может, и мне воспитанника себе под крыло взять? Как думаешь, старина? Сгожусь на старость лет в тренеры?..

Айс повернул к нему голову, закивал:

– А почему нет-то? У тебя боевого опыта – дай бог каждому. Обидно, если такие навыки никому другому не достанутся. Так что я только за, Марк, тем более что молодых толковых ребят на базе много, а вот опытных наставников – раз, два и кончились.

Марк на это хмыкнул, хрустнул суставами пальцев.

– А правда ли он так хорош у тебя? Может, ему проверку устроить, а?

– Тебе мало того, что он волну морфов остановил? – язвительно подметил Айс, несколько раздраженный таким повышенным вниманием к своему подмастерью, и тут же: – Какую проверку-то? Чего удумал?

Напарник тихонько засмеялся, ничего не сказав, отошел, отыскал где-то в траве шишку, отряхнул и водрузил на ма-

кушку.

– Проверим крепость руки и волю твоего бойца, – совсем не шутя, а наоборот – серьезным, твердым голосом исторг Марк и расставил руки. – Закон Тенеборца помнишь? – спросил вдруг и сам же напомнил: «Умей спасти боевого товарища в любой, даже экстремальной ситуации».

– Ты что, серьезно, что ли? А, Марк?.. – взволнованно переспросил Айс, надеясь на всю несерьезность услышанного, но вскоре понял, что напарник настроен весьма решительно, цыкнул, вздохнул и громко окликнул юношу, вылезшего из-под БТРа: – Чак!

– Да, старший сержант Эванс?.. – отдав инструмент Тенеборцу, немедленно ответил тот и хотел уже подойти поближе, но Айс жестом остановил:

– Оставайся там! И лук готовь – мастер-класс покажешь.

Чак с каким-то невероятным воодушевлением вытащил из-за спины именной лук, стрелу и застыл, с холодной решительностью ожидая продолжения.

– А вот тебе и мишень, – Айс показал на шишку на голове Марка, стоящего как изваяние, и добавил насмешливо: – А то в тебе тут засомневался один... надо бы развеять сомнения. Справишься? Не подведешь?

Чак ответил не сразу.

– Близо стоит слишком, сэр, – вдруг самоуверенно заявил он, – пусть шагов на шестьдесят отойдет, а то неинтересно так...

Айс кивком велел Марку отойти.

Марк даже как-то замешкался – видимо, опешив от такого заявления, – но все-таки согласился. Отсчитав на ощупь требуемые шестьдесят шагов по грязи, он опять положил на голову мишень и замер в ожидании, как циркач перед смертельным номером. Чак немного помедлил, обернулся на всех присутствующих, застывших в немом изумлении, а потом скинул капюшон и молниеносно натянул тетиву...

Стрела ураганом пролетела мимо Айса, обдав ветерком, в мгновение ока превратила шишку в облако сырых щепок и полетела дальше, в темноту.

Все ахнули. Ожились. Зашептались.

– Красавчик!

– Молодец!

– Ай да Чак!..

Но мальчишка не обращал внимания на неподдельный восторг остальных бойцов – его больше всего интересовало признание наставника, но тот пока молчал. Молчал и Марк. Он будто бы и окаменел, и лишился дара речи одновременно.

Простояв так ни много ни мало минуту, Марк резко вздрогнул, как воробей с испуга, смахнул с головы труху, подтащился к Айсу и, стягивая респиратор, слегка дрожащим голосом проговорил:

– Снайпер, твою мать... – усмехнулся, помотал головой и, глубоко пораженный, вынул флягу, жадно отпил и сделал неожиданное признание: – Я думал, обделаюсь тут по пол-

ной программе! Ястреба ты себе воспитал от бога, дружище. Честное тебе слово!

А через мгновение ответ дал и сам Айс:

– А ты не верил, – хлопнул в ладоши и обратился уже к одаренному стрелку, взбудоражившему виртуозной стрельбой поголовно всех Тенеборцев: – Отличный выстрел, сынок, я горжусь тобой!

Сияющий от счастья, окрыленный успехом, Чак ничего лучше не придумал, как отдать честь и ответить застенчиво:

– Рад, что не подвел вас, сэр!

Айс кивнул.

Дождавшись, когда ажиотаж от недавнего представления стихнет, Марк молча подошел к нему и, похлопав по плечу, вполголоса предложил:

– Давай-ка отойдем – кое-что обсудить надо.

Айс обошел БТР и встал позади напарника.

– Такое дело, Айс, – начал издалека Марк, – засиживаться тут долго никак нельзя: каждую минуту ждем новую волну морфов. Поэтому нам с тобой надо как-то определяться, откуда начать поиски стража.

– Можно попробовать углубиться в чащобу... – поразмыслив, предложил Айс, нервно барабанив пальцами по броне транспортера, – техника должна пройти: топливо есть, да и деревья тут одно гнилье – проблем быть не должно. И люди настроены весьма решительно.

– Люди-то людьми... – засомневался Марк, – их беречь

надо, а вот если технику угробим, Гельдман нас по головке-то не погладит, да и на чем мы стража-то потащим? На руках, что ли?

– Верно, – закивал тот, – в общем, надо подумать...

– А чего тут думать? – неожиданно возразил Марк. – Разделиться надо и – по двум направлениям: ты со своими ребятами – на северо-восток, а я – на северо-запад. Там, если верить слухам, когда-то и дома, и дороги, и заводы были.

– И Портал стоял, – участливо добавил Айс, – я тоже слышал что-то такое, – и, тяжело вздохнув: – И все равно идти, разделившись, никак нельзя – передохнем все. Хреновая затея, Марк.

– Ну и чего тогда предлагаешь делать?

– Проедем немного вглубь, оглядимся и снарядим разведывательный отряд, – поделился соображениями Айс и добавил: – А то далеко так не уедем – встанем где-нибудь и – все: заплыв окончен. Да и стражи глушь любят: распугали мы их техникой, видимо, вот они и сидят где-то в дебрях.

– Ну, можно, в принципе-то... – минутку поразмыслив, все-таки согласился Марк, хоть и колебался еще немного, – но сначала бы посоветовал...

Череда раскатистых, как боевой горн, хрипов понудила их замолчать и разлетелась во все стороны, будоража кипящий мрак. А буквально в следующую секунду отовсюду послышался шелест листьев, хруст веток, древесный скрип, и чудовищная ворчащая лавина двинулась в направлении людей.

– Морфы! – ошеломленно вострубил Марк, посмотрев на Айса, и – проорал всем: – Морфы, парни!!! Всем готовиться к бою!!! Готовьте прожектора и пулеметы!!! Морфы надвигаются!!!

– К своим побегу! – оживился Айс и, легонько стукнув напарника кулаком в нагрудник, ободряюще произнес: – Не волнуйся – отобьемся!

Рванув ко второму БТР, – в спешке еще раз предупредил всех попавшихся на пути Тенеборцев об опасности, лихорадочным взглядом поискал молодого лучника, нехстати куда-то запропастившегося, окликнул, но вскоре понял: собственный голос просто-напросто тонет во всеобщем гвалте. Тогда он залез на транспортер и занял позицию возле пулеметной башни.

– Разрывные к бою! – прокричал бойцам Айс и – к пулеметчику:

– Пока не стреляй – мы их прожекторами подсветим, поближе подпустим, и тогда мочи.

– Есть! – отозвался тот и дернул затвор крупнокалиберного пулемета.

«Где же ты, Чак?.. – переживая, как за родного сына, терзался Айс. – Куда делся?..»

Слыша вездесущее эхо ломающихся, будто бы чьи-то кости, ветвей, Айс еще раз громко покликнул Чака, но так и не получил ответа. С тревогой у сердца, смятенный, он молчаливо оглядел всех Тенеборцев, извлек из колчана разрывную

стрелу и насадил на тетиву, ожидая начала страшного сражения.

Когда же от хруста уже звенело в ушах, а хрип начал сводить с ума, во все стороны одновременно ударили прожектора, уже подсвечивая первых серо-черных склизких тварей, сидящих на деревьях и в кустарниках, и через миг заговорили пулеметные очереди, дробя кору, запели юркие стрелы.

В считанные секунды пламя поглотило не меньше сотни морфов-охотников и загонщиков, пожгло кусты, обратило в уголь деревья. Горящий пепел и раскрасневшиеся древесные щепы накрыли и Тенеборцев, и БТРы, жарким ветром пронесли по истоптанной тяжелыми ботинками грязи, укрыли седой золой трупы морфов. На какое-то мгновение, а может быть на два, все вокруг как будто обмерло, оглохло, одревенело, но потом это затишье прорвал плотный пулеметный огонь, и время опять ожило, наполнялось звуками битвы.

Окинув беглым взглядом деревья, падающие под натиском крупнокалиберных пуль, больные и уродливые пни с обрубками, где мелькали дохлые глянцевые тела морфов, Айс подряд выпустил три разрывных стрелы и накрыл ослепительными взрывами рвущуюся к транспортерам свору серо-черных отродий, мгновенно похоронив под полыхающими комьями земли и мертвыми ветвями. Но порадоваться успеху не успел – следом повалила очередная стая морфов.

– Да чтоб вас! – прикрикнул он, мигом выпустил еще одну

разрывную стрелу прямо в гущу охотников и загонщиков, в секунду смешивая останки и тех, и других с вонючей грязью и окликнул напарника: – Марк!

Тот с десятком других Тенеборцев бесперебойно расстреливал из лука выпрыгивающих из кустов морфов, пока по ним не ударило градом пуль.

– Марк!!..

– Чего?.. – наконец отозвался он.

– Ты Чака не видел?.. – осмелился спросить Айс и, выхватив обычную стрелу, пробил насквозь извивающуюся от отростков голову охотнику, навалившемуся на бойца, не ожидавшего нападения. – Пропал куда-то...

– Нет, брат, прости... – сочувственно ответил Марк и вместе со своими людьми врукопашную насмерть заколол четверых загонщиков, вырвавшихся из пламени недавнего взрыва, – да тут он где-то! Где ж ему еще быть...

Айс лишь сильнее нахмурился, прикончил метким выстрелом охотника, запрыгнувшего на крышу БТРа, и уже собирался спрыгивать, как вдруг на него бросился проворный хрипящий загонщик. Увернувшись от размашистого удара длинной лапищей, Айс кувырком ушел ему за спину, сочно вонзил два клинка в глотку и отшвырнул в грязь, позволяя другим Тенеборцам хладнокровно довершить расправу. Оглядевшись, он все-таки решил спуститься, в надежде отыскать Чака среди остальных бойцов, сдерживающих разъяренных бестий, всадил по стреле семерым морфам и

хотел бежать в гущу сражения, но тут откуда-то из глубин Сумеречной Зоны вырвался рев чудовищной силы.

– Страж... – холодно проговорил Айс и, распотрошив горло нападшему охотнику, вдруг трезво осознал всю степень грядущей опасности и – предупредил всех: – Страж, парни!! Страж!!..

Услышав его, бойцы добили оставшихся морфов, не пожалев драгоценных стрел, и разбрелись, готовясь встретить того, за кем, собственно, и вторглись в эту преисподнюю. Укрепившись за трупами поверженных инопланетян, в ближайших тошнотворных пожженных кустах, за изрешеченными деревьями и грязными бронетранспортерами, Тенеборцы устремили напряженные взгляды в ревуший морок и стали терпеливо ждать приказа атаковать.

Создание, что брело в сторону людей напролом через гнилой лес, судя по звуку, без труда валило деревья, раскидывало целые бревна, смачно хрустело валежником, сухостоем и истошно ревело, понуждая все кругом буквально сотрясаться, как от порыва шквального ветра. Морфов же, что не решились или не успели напасть на людей, появление громохочущей твари, превосходящей всех по росту и весу, явно раззадоривало, распаляло и воодушевляло – из теней выпрастывались кровожадные хрипы, ворчание, фыркание. И чем ближе она подходила, круша и без того больной и пропитанный неземной отравой лес, тем сильнее билось сердце в груди каждого Тенеборца, кому предстояла, пожалуй, самая

трудная задача – поймать стража и доставить в Горизонт-26.

Оглядев спрятавшихся бойцов внимательным командирским взглядом, Айс высунул голову из-за транспортера, пару секунд посмотрел туда, откуда вырывался страшный рык, прищурился, свято три раза перекрестился и отдал команду отрядам:

– Готовим электрострелы, ребята! Страж уже близко! Только смотрите не поджарьте его, а то старичок у нас брезгливый, может и отказаться от сделки!

Поднялся дружный многоголосый гогот.

– Баста! – сурово потребовал он. – Посмеемся потом, а сейчас за работу! – еще раз испытующе глянул на всех и, сияясь переорать рывканье, раздающееся уже совсем рядом, спросил: – Тактику все помнят? Напоминать не нужно никому?

Никто не подал голоса.

– Хорошо, – удовлетворенно промолвил Айс, – тогда – с богом!

После последней фразы Айса, бойцы осенили себя крестами, почти одновременно вытащили из колчанов электрострелы, насадили на тетивы и принялись дожидаться стража. Охота на него – честь для каждого.

И вот, когда тяжелые, как мрамор, шаги слышались уже совсем близко, в темноте неподалеку что-то протяжно, звучно треснуло, и под раскатистый, словно гром, вопль из леса вылетело больное почерневшее облепленное опухольями де-

рево.

– На землю!! – едва не сорвав голос, успел зычно выкрикнуть Айс и сам же шмякнулся лицом в грязь, как вдруг огромное бревно со всего маху ударилось в лобовую часть бронетранспортера, за какой он прятался мгновение назад, и разлетелось волной щепок и трухи, посылая головы бойцами ржавым прахом.

Вскочив, как ошалелый, он наспех вытер лицо, изготовился для стрельбы и собрался окриковать остальных, но тут из сумрака в сопровождении загонщиков и охотников, расшвиравших и обезумевших от предвкушения сладкой трапезы, на свет вышел морф-страж, и сердце Айса кольнуло холодком. Перед людьми скалой застыла жуткая угольно-черная тварь высотой под два этажа с такими же длинными, как у остальных морфов, конечностями, но на порядок тяжелее, крепче и здоровее. Могучее туловище стража сверху донизу латами закрывали многочисленные толстые костяные наросты, а широкую приплюснутую морду с двумя парами ярко-серых глаз наглухо, словно шлемом, закрывали вытянутые пластины, надежно защищающие от любых атак. И из-под всей этой исполинской туши ежесекундно вырывался то рев, то тяжелое, отдаленно напоминающее человеческое дыхание, то едва различимый хрип, что запросто можно перепутать с болезненным всхлипыванием одряхлевшего старика.

Секунду морфы и люди смотрели друг на друга, пока не

осмеиваясь переходить в атаку, и Айс даже в шутку посчитал, что все обойдется малой кровью, как вдруг страж тяжело топнул, и свора загонщиков вместе с охотниками послушно ринулась в бой.

– Оттесняйте их от стража!! – выпалил Айс сквозь яростные хрипы и запустил электрострелу в загонщика, несущегося прямо на него. Цепной разряд на бегу парализовал и воспламенил, как спичку, его и еще четырех охотников позади. – Марк, скажи своим, чтобы поддержали огнем! А то жарковато становится!

В следующее мгновение из кустов и из-за деревьев в напирающую орду ударило тучей стрел, и все вокруг на короткое мгновение озарилось ослепительными сполохами молний, мгновенно убивающими инопланетных захватчиков смертельной дозой электричества. Теперь же некогда доведенные до исступления морфы лежали на мокрой земле, агонизировали и продолжали искриться, роняя с отростков редкие огненные капли. Людское оружие в очередной раз восторжествовало над серо-черными завоевателями, доказав неоспоримое превосходство, но вот против морфа-стража оно оказалось малоэффективным: стрелы отскакивали брони, слабо, щекотливо поражали током, лишь распаляя гнев. Не брали даже крупнокалиберные пули – те просто отлетали наростов, как от батута, выбрасывая то фейерверки искр, то рикошеты.

Поняв, что люди изрядно выдохлись и больше не пред-

ставляют серьезной угрозы, страж пронзительно заревел, словно затыкая всем рты, и неожиданно ходко двинул в сторону замешкавшихся Тенеборцев, не оставляющих попытки зацепить того электрострелами, как вдруг на пути великана возникла малюсенькая фигура.

Айса будто обожгло раскаленным железом, в сердце протолкнули иглу – Чак!

– Чак!! – попытался позвать он самоотверженного парня, бросившего вызов столько опасному противнику. – Дурак, немедленно уходи!! Уходи!! Брось это мальчишество! Чак!! Не дури!..

Но тот глух ко всему призывам.

Вместо ответа Чак мгновенно выхватил из колчана разрывную стрелу, оперся о труп изувеченного осколками морфа-охотника, чуть выждал, демонстративно, словно красуясь, неторопливо натянул тетиву и... выстрелил.

Выдержав прямое попадание, морфа все же оглушило, шатнуло влево, потом вправо и миг заволокло густым непроглядным дымом, на секунду-другую скрыв от всеобщих глаз.

– Ха-а-а! – совсем по-детски возликовал Чак и, вытянув на этот раз электрострелу, громко объявил: – А теперь добьем его, пока он не пришел в себя! – натянул лук, – цельтесь ему...

Но тут дым, еще не успевший рассеяться, вдруг вздрогнул, весь закружился, завращался, и под оглушительное то-

потание из него выскочил разгневанный морф-страж и со всей своей силы маханул тяжелой лапой по пареньку, не успевшему вовремя среагировать. Чак с безумной силой влетел в БТР, растеряв все снаряжение, медленно-медленно сполз по холодному металлу в грязь, опустил обмякшую разбитую голову на грудь и страшно застыл, будто просто изматался и решил прикорнуть...

— Ча-а-а-а-а-к!!! — охваченный горем, проорал Айс, да так, что оторопел сам морф, выпустил оставшиеся стрелы и, отшвырнув лук, безумный, потрясенный, бросился к мальчугану. — Чак!.. Господи... — бухнулся перед ним на колени, весь измазавшись грязью, прижал к себе обмякшее послушное, как кукла, тельце, уже не слыша звуков боя и лютого рева стража. — Что же ты наделал, дурачок... — снял респиратор, стиснул до скрежета зубы и зарыдал, нет, завыл волком. — Дурачок!..

А тем временем охваченные всеобщей яростью Тенеборцы окружили оказавшегося неповоротливым морфа и всадили ему последние электрострелы в незащищенные костяными наростами части тела. Ток жестоко жег ему бока, спину, горло, и всякий новый удар отуплял, выматывал, сковывал, подчинял. Хоть страж и сопротивлялся еще из последних сил, размахивал тяжелыми, словно увешенными гирями, бронированными лапищами и пытался затоптать надоедливых людей, но исход схватки уже предрешен. Развернувшись к столпившимся Тенеборцам, морф вдруг дернулся, завыл,

метнулся, как от огня, куда-то влево и весь парализованный вдруг обрушился на грязь с аккуратно торчащей из шеи стрелой.

– Тросы готовьте... – осмотрев поверженного гиганта, приказал всем Марк и, убрав лук за спину, подбежал к напарнику, сломленному утратой. Он как сидел, скуля и качаясь вместе с погибшим Чаком, так и продолжал сидеть, совершенно безразличный ко всему происходящему.

Постояв рядом несколько секунд, Марк траурно скинул с головы капюшон, стянул респиратор и сел рядышком прямо в чавкающую слякоть, с трудом подбирая слова:

– Нам пора, Айс... – сам едва не зарыдав, он скорбно уткнулся лбом тому в плечо, прижал к себе и живого, и мертвого, и совсем омертвевшим голосом проговорил: – Горевать будем потом – сейчас опасно...

* * *

Тени перестали мерзко хрипеть и ломиться в убежище только под утро. Толстая дверь с решеткой и подпертым столбом, стойко выдерживающая всю ночь свирепые, яростные удары, наконец-то обрела долгожданный покой и смолкла, больше не треща и не скрипя. Непокойно оставалось лишь снаружи, где в поисках пропитания на улицы вылезли голодные собаки, дожидаящиеся рассвета в промозглых подвалах, ямах и глухих берлогах. Их звонкий лай, разрывающий на

части недавнюю утреннюю тишь, разносился по всем окрестностям, подолгу висел в воздухе, подхватывался другими такими же. К нам же он врывался из-под дверной щели и через многочисленные пробоины в стенах. Но уже не один, а с бледным мнимым светом, что лениво просачивался в уютное убежище, и легким сквозняком, взявшимся забавляться с раскиданным мусором.

– Разлаялись же, заразы такие... – вдруг сонно проворковал Майк и чем-то громко заскрипел, пытаясь не то встать, не то перевернуться на другой бок, – с утра пораньше...

От полусонных причитаний напарника я вздрогнул, посопел и поднял голову, но посмотрел почему-то не на Майка, а на тусклый дневной свет, разливающийся по голому полу.

«Вот тебе и ночь прошла, – подумалось, – даже как-то и не верится...»

Поглядев на него еще чуточку, – широко зевнул, протер лицо шершавой ладонью и наконец повернулся к почмокивающему проводнику – тот, по-видимому, подниматься особо не спешил, начесывал мягкое место.

– А кто-то, помнится, бил себя пяткой в грудь и уверял, что поднимет «чуть свет», – без упрека, а скорее шутливо напомнил я и сразу же добавил: – А сам вон рожу мнет...

Майк мигом вскочил, как полоумный, затрещав ветхим столом, на каком и спал, вытер слюнявую бороду и выкатил на меня ошалелые глаза:

– А?..

– Вот тебе и – «а», блин, – передразнил я и, укутавшись в накидку, без злобы продолжил: – Спишь больно крепко, говорю, – сел на стол, – вставать-то собираешься сегодня, нет? На улице уже, наверно, день.

Майк в ответ заморгал, зазевал и молча спрыгнул на пол, подходя к кострищу. Покрутился у него пару мгновений, обвел все еще сонными глазами убежище и вдруг целенаправленно засеменял к горе старого хлама позади меня. Протиснувшись туда, он все так же безмолвно откинул в сторону вешалку, два стула, какую-то железную перекладину, и вскоре выполз со стопкой рваных газет, двумя короткими деревянными палками и какой-то книгой.

– Погреться надо хоть немного после ночи-то... – как с похмелья, сипло и тяжело наконец проговорил он и, покидав все в золу, оставшуюся после ночного костра, добавил: – Да и поесть бы не мешало.

– Да было б что... – невесело усмехнулся я и тоже спрыгнул со стола, забирая вещевой мешок, – о таком счастье можно только мечтать. Я уже молчу про воду...

Договорив, – вытащил пустую бутылку, и уже хотел отправиться на поиски ближайшей лужи – а их по осени в подобных помещениях обычно немало, – как вдруг Майк метнулся к своему затрепанному рюкзаку и извлек слегка помятую жестяную банку без этикетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.